

Лада Баламут

ПОТОК

Москва
Вест-Консалтинг
2017

Лада Баламут
Поток. *Стихотворения* —
М.: Вест-Консалтинг, 2017 — 304 с.

ISBN 978-5-91865-432-3

Лада Баламут — московский поэт, бард. Родилась в Москве, в семье поэта-«шестидесятника» Михаила Николаева.

С юности увлекалась разными направлениями спортивной авиации, попутно сочиняя песни лётной и лирической тематики, ставшие за многие годы популярными среди пилотов-любителей.

Книга «Поток» — первое издание стихов, написанных в основном в период с 2014 по 2016 год.

Книга оформлена картинами московской художницы Джулии Арье, члена Союза профессиональных художников России, Союза профессиональных художников Израиля (ИРАА), Международного художественного фонда, лауреата Ассоциации «Искусство народов мира».

© Лада Баламут, 2017
© Джулия Арье, иллюстрации, 2017
© Евгений Ключников, фото на обложке, 2017
© Вест-Консалтинг, оформление, 2017

Брейгелю...

Раскатала в руке снежок,
Уронила в следы-узоры...
А у Брейгеля взял рожок,
Предводитель собачьей своры,
И метнулись сороки вверх,
И напротив в кустах осели,
Затрещали, как фейерверк,
В снежно-хлопьевой карусели...
По сугробам качусь с горы
На замёрзший каток в долине,
Брейгель, будьте ко мне добры —
Допишите меня в картине...

* * *

Шумит предновогодний ливень —
Такая выдалась зима...
Декабрь разлит, размыт, противен,
Бесснежье сводит нас с ума.
Под слоем грязи — побрякушки,
Гирлянды мутная вуаль,
И только звёзды на макушках
Победоносно святят даль.
...Бреду по разноцветным лужам,
Навстречу к годовой черте,
Теряя след того, кто нужен
В предновогодней суете.

* * *

...И уже — почти Новый год,
И пора покупать подарки...
Тянет вьюгой из старой арки,
Сквозь фонарь во дворе метёт,
Продувает за воротник,
И ознобом ползёт по коже...
Холод с хрустом сосульки гложет,
Мир под снегом притих, поник.
Лишь за светом больших витрин
Суета возле гор игрушек,
Час триумфа у безделушек,
И у ёлок — черед смотрин...
Выбирают себе, друзьям,
Выбегают в мороз со смехом,
И, нагруженные успехом,
Ускользают по площадям,
По квартирам, где пахнет хвоей,
Мандаринами, оливье...
Я до двери дойду твоей.
Позвоню. Пусть нас станет двое?

* * *

Зима в мегаполисе — страшное дело,
Она убивает нас из году в год.
Измучено сердце. Истерзано тело.
Мы молим, скорей бы уж солнцеворот!
Бетонное небо нависло над нами,
Опоры домов под давленьем хрустят.
Декабрь подступает тяжёлыми снами,
И топит в депрессиях нас как кутят.
Мы сонно барахтаемся по привычке,
Куда-то бредём и зачем-то встаём,
Чуть вспыхнув — сгораем обугленной спичкой,
И катимся вниз — чуть осилив подъём.
Смыкается утренний сумрак с вечерним,
Мы преданы солнцем во власть темноты.
Мой город — возня, копошение черни,
Ползут, спотыкаются люди-кроты...

* * *

Придумать бы биографию,
Цвет кожи и тон волос,
Укрыться за фотографией
Из ярких цветных полос,
Загадочной стать и странною,
Надменною госпожой,
С картавостью иностранною,
Холодной и всем чужой,
Чтоб только намёком, призраком —
След платья, излом скулы,
Чтоб жизни реальной признаки
Не лезли из-под полы.
Чтоб маска — хитро расчерчена,
Скрывала живое — за.
...Мы с образом недоверчиво
Друг-другу глядим в глаза...

* * *

«Возраст — просто цифры!» — спела мне реклама...
Возраст — годы жизни. Возраст — горы хлама.
Череда морщинок кольцами на срезе,
В память о мужчинах на душе порезы,
Это — плед в ненастье, и молчанье в споре.
Возраст — это счастье. Возраст — это горе.
Разговоры с Богом, наравне с природой,
В теле боль, в убогом, перед непогодой,
Мёд воспоминаний юности распутной...
Возраст — это возраст. Разный поминутно.

* * *

Счётчик щёлкнул и цифра сменилась
На моём персональном табло...
Мирозданье, скажи мне на милость,
Разве что-нибудь произошло?
Может Солнце сменило орбиту
Или стали тусклее глаза?
...Фото старое. Локти все сбиты,
Так и слышу «Уймись, егоза!»
Ветки цепкие яблонь соседских,
В море Чёрном вода солона,
Сноп счастливых мгновений из детства
Тихо светится с самого дна...
Вот другое: смешные подростки
Корчат рожи, вон тот — ещё жив...
Неуёмные жизни проростки,
Пробивают наверх этажи.
Третье фото. Ну, надо ж такую
Скорчить рожу на свадьбе своей?
Годы, прожитые вхолостую,
Годы юности — втрое больней...
На четвёртом — цветастые крылья,
Голубое? Конечно, моё!
Я захлёбываюсь изобильем,
Небо счастье ушатами льёт...
Так, сквозь годы, хандру и ненастья,
Нанизавшись на памяти нить
Мне мерцает гирлянда из счастья
Всех минут, что смогла сохранить...

Мальдивы

Продать добро, уехать на Мальдивы,
Пинать кокосы в голубую даль,
Почувствовать себя заморской дивой,
Грустить, чудить, испытывать печаль
От недостаточно холодного коктейля...
Выплёскивать шампанское в песок,
Болтать с барменом пляжного отеля,
Закутавшись в материи кусок,
А вечерами — провожать закаты,
И подставляя под лучи лицо,
Внезапно вспомнить — где-то и когда-то,
Ложился снег на старое крыльцо...
Там, вдалеке, поскрипывают ели,
Собака ночью воеет на луну,
Зола в камине тлеет еле-еле,
Глинтвейн и плед баюкают ко сну...
...Здесь — веет бриз услужливо-приятный,
В бассейн лениво спущена нога...
Швырнуть бокал! Купить билет обратный.
И клясть морозы, темень и снега.

Рождественскому Ангелу

Ангел мой, прошу, пошли мне Чуда,
Больше я не жду ни от кого...
Знаешь, я разбила всю посуду
В ожиданьи знака твоего.
Видишь, я свечу зажгла на ёлке
Приманить тебя на этот свет,
Воск течёт слезами по иголкам,
Я не плачу, нет, конечно, нет...
Я ведь понимаю — ты замотан,
Накануне ночи Рождества
У тебя невпроворот работы,
Ты устал, наверно, я права?
Точно так же плачешь от бессилья,
Созерцая страждущих ряды.
Ты присядь, сложи на кресле крылья,
Выпьем вместе чая до звезды,
Мы о грустном говорить не будем,
Ты вздремнёшь, я тихо посижу,
Ты простишься, позабыв о Чуде...
Я тебя за это не сужу...

Новогоднее

Это как-то очень странно:
Год — уходит, я — стою.
Льётся лунный свет с экрана
Прямо в комнату мою,
Ночью шепчутся иголки
В хвойной путаной глуши
И подарки из-под ёлки
Еле светятся в тиши.
Ночью ходики уходят
Стуком старых башмаков,
Ночью мыши хороводят
Вкруг не съеденных кусков,
Ночью светятся обманом
В хвойных лапах огоньки,
От смолистого дурмана
Расширяются зрачки.
Ночь мурлычет чёрной кошкой,
Хвост часов — туда-сюда,
И качается в окошке
Опьяневшая звезда...

* * *

Выгорели праздники дотла,
Ветер их разнёс по переулкам
И затих по подворотням гулким...
Ночь от снега лунного светла.

Гаснет в окнах воспалённый свет,
Засыпают граждане в объятых,
И струятся сброшенные платья
На залитый серебром паркет...

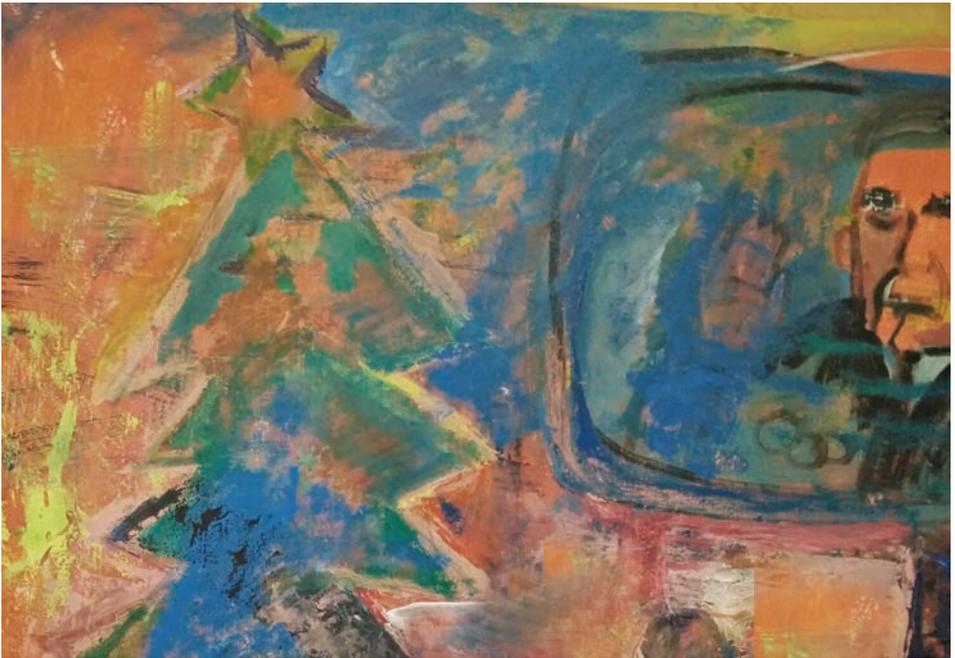
Мягкой лапой трогает зима
Суетную, ноющую душу,
И взбивает снежную подушку
На ночные, тёмные дома...

Я плыву сквозь город в тишине,
По волне искрящейся и нежной
Тех стихов, что этой ночью снежной
Ангелы мои нашепчут мне...

Посленовогоднее

Я нынче излишне капризна:
Всё как-то не то и не так:
Гляжу сквозь стаканную призму
На каждый досадный пустяк:
Излишне солёна селёдка,
Чрезмерно слащавы торты,
Какая-то странная водка,
Куда-то стекающий ты...
Довольная рожа с экрана,
В зубах с микрофоном кричит,
6:30 утра — это рано
Иль поздно для этой ночи?
На улице порохом стелет,
Зарницы во весь горизонт,
Всю эту хмельную неделю
Продлится салютный сезон.
Дожить. Пережить. Возродиться.
На утро рассолом спастись...
Тяжелое бремя традиций —
Лоб в лоб с Новым годом сойтись!

Зимний этюд

Наша комната станет белой,
Вечер краски добавит синей,
И начнёт заплетать пробелы
Паутиной по стеклам иней,
А по инею — самоцветы
От витрины на перекрёстке...
Растворятся во тьме предметы,
Растекутся по веткам блёстки,
Жёлтых фар пробегут полосы
В потолок по диагонали
И изломом стекут на плоскость
По стене, где портрет в овале...
Затаившись, внимаю краскам,
И всё жду, как в окошке встречном,
Абажуром томатно-красным,
Кто-то вклинится в зимний вечер...

* * *

Пришёл январь. И пал с повинной,
Как падают к ногам снега —
В горячий, пряный запах винный,
В трескучий говор очага,
В мой дом, натопленный и душный,
Заполз, как раненая тварь...
Приму тебя великодушно —
Входи. Я жду тебя, январь...

Сон

Простужена. Гляжу в окно,
Как носится синичек стая,
Как день осенний тихо тает,
Придавливая вязким сном.
...И снится мне — маяк далёкий,
Он шлёт блуждающий огонь,
Там кто-то зябко-одинокый,
Спит, подложив под лоб ладонь...
Он видит сон про лес туманный,
И лошадь в яблочном саду,
Звон колокольный, свет обманный,
И прелый лист на тонком льду...
...Спит. Я пройду неслышной тенью,
Часы пробьют полночный бой.
Я у окна, в оцепененьи
Смотрю на бешеный прибой,
А он, проснувшись, смотрит в спину,
И я, учуяв этот взгляд,
Проснусь. И одеяло скину...
Сон кончился. Часы — стоят.

* * *

Сорвалась, не сдержав натяженья,
Истощённого нерва струна,
Не выдерживаю напряженья.
Не могу. Не справляюсь сама.
Пожалей меня так, чтобы всхлипнув,
Я затихла, уткнувшись в плечо,
Чтобы мир растворился, притихнув,
Лишь дыханье твоё и сверчок...
Тёплый кокон надёжной защиты,
Чай с лимоном, чуть-чуть коньяка,
Запах твой, отчего-то забытый,
Обхватившая плечи рука...
Отчего так мучительно страшно,
Отдавать себя в полную власть?
Прекратить вечный бой рукопашный,
Разрешить ослабеть и упасть,
Обречённо о помощи вскрикнув,
Зарыдать наконец горячо...
...Пожалей меня так, чтобы всхлипнув,
Я затихла, уткнувшись в плечо...

* * *

Дошли патрон и сделай выстрел.
Чтоб зазвенело в голове.
Чтоб гул невыносимых мыслей
Затих в качнувшейся траве.

Чтоб тишина потом — до крика,
От неба отразилась вниз.
А гильзу спрячь. Она — улика,
Минутной слабости каприз...

* * *

Эй, кто-нибудь! Пришлите мне весточку с неба!
Хоть напишите — как в небе сегодня дела?
Много ли там заготовлено свежего снега,
Хватит ли краски, чтоб выкрасить всё добела?

Долго ли ждать опадающих с неба подарков,
Мелкой крупую секущих под ветром лицо?
Белый, слепящий, немыслимо, яростно яркий
Выронят тучи, набухшие синим свинцом.

И заштрихуют картину в оконной оправе:
Тонкие ветки, забор и дорогу вдали
Я замолкаю, я требовать больше не вправе —
Небо ложится снегами до самой земли...

Пурга

Луч проскочил меж снегопадов,
Что это было? Блик? Иль взгляд?
Вдох краткосрочный меж зарядов,
И выдох — новый снегопад!
Летят неистовые хлопья,
Кусают, жалят всех подряд,
Вдоль тротуаров, как надгробья,
Авто сугробные стоят.
Парализующее действие,
Безостановочный гипноз!
Пурга, с мелодией злодейства,
Ей подвывающий мороз.
Гулять? — Гулять! Отдаться ритму,
Нырнуть, уйти в снеговорот,
И пропадая что-то крикнуть,
Сквозь снег, забитый кляпом в рот...

* * *

Льёт с потолка в моей квартире...
А где-то — ангелы поют,
Волхвы (все три. Или четыре?)
Дары бесплатно раздают.
В ближайшей церкви — звон и праздник,
В квартире — слабый запах роз,
А эхо звона дразнит, дразнит,
Зовёт под звёзды, на мороз...
Гирлянда щёлкает на ёлке,
Поют соседи за стеной.
О, одиночество, как колко
Ты шутишь нынче надо мной...
Стою под форточкой открытой,
Цепляясь пальцами за шаль,
И на столе, среди открыток,
Хрустально светится печаль...

Камин и джин

Я и камин. Камин и джин.
Великолепно наше трио!
Я посмотрю в стакан игриво
И джин ответит — «Побежим?»
Бежим! По жилам, по губам,
По отблескам огня на гранях,
Теплом в отяжелевших дланях
И дальше — к дивным берегам,
Где можжевельник и туман,
Где пахнет сыростью и тленом...
...Камин вдруг выстрелит поленом,
Вернув меня из дальних стран,
Я завернусь уютней в плед,
Налью, и обращусь к камину:
«Не злись! Порадуемся джину!» —
И пламя заревёт в ответ!

* * *

Налетели дрозды-рябинники
И склевали всю облепиху,
Словно зимние именинники
У стола развели шумиху.

Доклевали — и стаей кинулись,
Как горохом — по небу синему.
Я стою с лицом запрокинутым,
Жмурюсь редкому солнцу зимнему...

Шут. Петух. Ночь.

Я совсем ничего не пишу.
Я сижу и смотрю на стену.
На стене — силуэтом Шут
Проступает корявой тенью.
Мы ведём с Шутом диалог
Языком неподвижных жестов.
Пульс частит. Я пишу пролог.
Шут вычёркивает — не к месту!
Я считаю в уме до двух
И швыряю в Шута свечою.
Шут исчез. На стене — Петух
Алой кляксою восковою.
Я роняю себя в кровать,
Начинается строчек осыпь,
Но Петух норовит склевать
Неразборчивых знаков россыпь.
Я считаю в уме до ста.
Лунный луч заливает стену.
Я у каменного холста
Выбираю для мыслей тему.
Мысли сыплются, как горох,
Я кормлю Петуха горохом...
Я считаю в уме до трёх.
Ночь кончается. Спится плохо.

Снегопад

Нам, северным, так мало надо
Тягучей русской зимой:
Чтоб покрывало снегопада,
Укрыло скверы бахромой.
Фонарный свет сквозь толщу кружев,
Пух на скамейках во дворе...
Забыв про варежки и стужу
Стою в безмолвном серебре.
Лицо под хлопья подставляю,
Тону в щекочущем снегу
И так волшебю представляю,
Что намечтать себе смогу
Чтоб кто-то неизвестно-нежный,
Ослабил на душе петлю,
На целине оставив снежной
Следами: «Я тебя люблю!»

* * *

Кофе из стаканчика отдаёт пластмассою,
Чередой сменяются лица и авто...
Километром тысячным, неизвестной трассою,
Что-то привело меня, но не помню — что.
Ночь была бессонною, только фары встречные,
И двоилась белая, между, полоса.
Шин следы продольные, мысли — поперечные,
Из радиостанции смутны голоса.
Ехала и думала — а куда я, собственно?
Ждёт лишь дверь закрытая, да остывший дом,
Некому и встретить так, чтоб с душой, да родственно,
Впрочем, это — выбор мой, стоит ли о том?
Руки согреваются жидкостью горячею,
На заправке утренней сонно и тепло,
Я сижу Кассандрою, глупою, незрячею...
Что-то было важное, что-то привело
К километру странному, трассой неизвестною,
К месту не случившихся роковых потерь,
Там, где разминулись мы той зарёй воскресною,
И уже не встретимся никогда теперь...

Письма

А писем нет ни от кого:
Ни от тебя, ни от него...
Твоих — минут как десять нет,
А от него — десятки лет.
Я знаю, что который год
Неподалёку он живёт,
И знает он, что я — жива,
Но я — прожитая глава,
Её не прочитаешь вновь.
А у меня теперь – любовь,
Домашняя, как тёплый кот.
И всё, что было — то пройдёт,
Забудется невнятным сном,
Затерянным навек письмом.

* * *

Дела, долги, бега,
Привычной каруселью...
А за окном — снега
Сменяются капелью,
Дожди секут сильнее,
Сугробы тихо тают,
И дети у друзей
Внезапно вырастают...
Так время через нас
Течёт неумолимо,
Прошёл, казалось, час,
Ан нет, полвека — мимо...
Позвольте, но ведь мы,
Казалось бы, всё те же:
Чуть чаще пусть больны,
Чуть волосы пореже,
Но тот же блеск в глазах,
Безумные затеи,
Всё те же в головах
Искрящие идеи.
И мы храним их впрок,
Завалены делами.
Себе даём зарок
Вернуться за дарами,
Потом, потом, потом,
И вдруг — всё рухнет с хрустом!
А в зеркале — фантом...
В ларце с дарами — пусто...

Свидание

В синем небе — самолётик,
В белом снеге — лыжный след...
Я спросила: «Вы придёте?» —
Промолчали Вы в ответ.
Я настаивать не смела,
Кто я Вам в конце-концов?
Самолётик следом белым
Вплёлся в буйный гвалт скворцов.
Средь заката золотого
Мы бесслвно побрели,
Я была для Вас готова —
Хоть на край, за край земли!
Вы вели меня к трамваю,
Посадили у окна,
Я сижу, переживаю —
Я нужна, иль не нужна?
Вот и Ваша остановка,
Вопрошающий мой взгляд...
Ты отвёл глаза неловко.
Я отпрянула назад.

Странные игры

Плечо замёрзло от стены.
Я битый час сушу ботинки,
Листаю старые картинки...
Давно б уж высохнуть должны?
А ты с усмешкой из угла
Глядишь, и подливаешь чаю.
Старательно не замечаю,
Хотя заметить бы могла.
Сидим. Шуршит за стенкой мышь,
Забывтой старою газетой,
Я жду какого-то ответа,
А ты по-прежнему молчишь
И улыбаешься хитро,
Как будто ты не замечаешь...
Я не уеду. Ты же знаешь —
Ушло последнее метро...

Случайная встреча

«Извините, но я Вас не знаю!» —
...и крутой поворот головы.
— «Извини...те, я не понимаю,
Значит, стали теперь мы — на Вы?»
Значит, не было тех листопадов,
Тех снежков и падений в сугроб,
Поцелуев в фонтанных каскадах
На прощание — в губы и в лоб?
Не рвались телефонные нервы
От ночных безответных звонков,
Я — не первая, знаю. Вы — первый,
Кто забрал все ключи от замков,
И сменил, чтобы я не вернулась,
По знакомым лишь нам адресам...
Я с Тобою случайно столкнулась,
Чтобы к разным сбежать полюсам...

Уход

Мир рухнул. И посыпались осколки,
Замедленно-беззвучно, как в кино.
Дверь хлопнула. Упала ваза с полки.
Порыв внезапный распахнул окно.
Я так была с тобой неосторожна
И так неосмотрительно горда,
Подумать даже было невозможно,
Что ты уйдешь однажды навсегда.
Ты встал. И так бесповоротно вышел,
Как будто был давно уже готов.
И слышу я, как тише, тише, тише
За горизонт уходит звук шагов...
И в тишине отчетливой, кромешной,
По дому разливается беда.
И только монотонно и неспешно
Из крана в кухне капает вода...

* * *

Разобщённость. Разорванность в ключья
Прежде тёплых объятий и связей.
Вместо слов — тишина, многоточья...
...Мы сбегает в пространство фантазий,
Где пирует закон Маскарада:
Вседозволенность личности в маске.
Так сомнительна эта награда —
Во всеобщей участвовать пляске
На костях, на бессмысленных фразах,
На натянутых фотоулыбках,
В перьях, блёстках, сверкающих стразах,
Здесь нельзя погореть на ошибках,
И никто никому не обязан,
Демон лжи нами плотно накормлен...
...Но рукою живую повязан
Тёплый шарф на простуженном горле,
Чай с малиной, сопенье собаки —
Так легко отогнать наважденье,
Треск свечи на окне в полумраке,
И разрушенное отчужденье,
Спешно сброшенное у кровати...
Провода все оборваны. Хватит.

* * *

Закрывать глаза. Уплыть в себя.
Здесь нет ни снега, ни дождя,
Лишь гулким эхом пустота.
Отсутствие. И чернота.
Там, в черноте, витает стон,
Неуловимый, словно сон,
Необъяснимый как обвал,
Как в памяти моей провал.
Не стон. Иной какой-то звук.
То ль давний звон, то ль дальний стук,
И смутной, странною волной
Тревога завладеет мной,
Разрушит внутренний покой,
И выведет моей рукой
Строку, что просится в полёт...
И Ангел за спиной вздохнёт...

* * *

От всех наших встреч — послевкусье изжоги
И чувство обмана тебя и себя.
Бубним опостылевшие диалоги,
И зрители в зале, зевая, сидят.
Заела шарманка — не тронемся с места,
Не лезем за рамки привычных ролей,
Тепло и уютно в насиженном кресле,
Уйдёшь — потеряешь, а после — жалея?..
Жалеем себя. И себя не жалея,
Калечим, ломаем друг другу судьбу,
От злобы чернея, от страсти алея,
Клеймо выжигаем друг другу на лбу.
Мы мстим — за потерю своих идеалов,
За то, кем себе не позволили стать,
В нас желчи — так много. В нас пуха — так мало.
И жжёт нас изжога, а тянет — летать...

Ссора

Вышло, так как вышло,
Что уж тут, теперь?..
Я в запале вышла
И закрыла дверь.
Глубоко вздохнула,
Бросила ключи,
Шапку натянула.
Всё, теперь кричи,
Злись, рыдай, ругайся,
Шли проклятья вслед,
Сам с собою майся,
А меня здесь — нет.
И пускай за дверью
Жизнь пойдёт вверх дном,
Я тебе не верю,
Покидая дом.
Все эти спектакли
Знаю по слогам:
Для меня, не так ли
Этот балаган?
Я махну рукою —
В дальние края,
Нервы успокою:
Выпью кофия.
В привокзальном баре
Пусто, тишина...
Всех вокруг — по паре,
Только я одна...
Третий час ругаюсь
Мысленно с тобой,
Ехать — не решаюсь.
Не хочу — домой.
...Снегом заметает
Мысли и пути,
Снег на щёках тает.
Некуда идти...

* * *

Встать на паузу. Встать на пуанты.
Стать струной в ожидании звука
Под застывшей рукой музыканта...
Или стать тетивой для лука
На пределе его натяженья —
То ли выстрела, то ли разрыва —
За секунду до фазы движенья,
За десятые доли до взрыва...

* * *

Дальний берег с годами — дальше...
Зренье слабнет — не разглядеть,
Позабыла, покрыла фальшью,
Всё, что совести не стерпеть.
Подменила легко и ловко
Череду из утратных вех:
Через годы пришла сноровка —
Вспоминать лишь про свой успех.
Я — не то, что со мною было,
Я — мозаика из подмен:
Всё скребущее позабыла,
От прощенья до измен,
От запальчивых криков горьких,
До заплаканных ночью глаз —
Вся-то жизнь — как шальные горки,
Оттолкнулась — и понеслась!

* * *

В этих чувствах смысла — ни на грош,
Как в желаньях в январе — апреля.
Мир вокруг ни плох, и не хорош,
Просто сложной выдалась неделя.
Просто щиплет изнутри глаза,
Чем-то там, невыплаканным в детстве,
Как не зажимаю тормоза,
А несёт — и никуда не деться
От себя, от роя в голове,
Жалящего глупо и нелепо.
Так и хочется уснуть в траве,
Только на дворе — совсем не лето,
Что-то я опять творю не то,
И боюсь сама себе признаться...
Выпить джина. Натянуть пальто.
И пойти под снегом пошататься...

На ночь...

Раньше на ночь хотелось сказок,
А теперь — лишь немного джина,
И уже никому не скажешь,
Как сжимают внутри пружину
Обязательства и проклятья,
Страх, долги, неизбежность боли...
Мои мысли — мои заклятья,
Не пускают меня на волю.
...Джин теплом отогреет душу,
И подумаю я со злости,
Что когда-нибудь я не струшу —
Приглашу тебя на ночь в гости...
Буду я сидеть у камина,
И во все глаза тебя слушать,
Ночью сладко-тягуче-длинной
Отдавать за бесценок душу.
Ты сплетёшь волшебные сети,
В них меня обернёшь, как шалью,
Позабыв обо всём на свете,
Я расстанусь с своей печалью,
Под мелодию в лунном свете,
Улечу, в такт с тобой качаясь...
...И поверив в возможность эту,
Засыпаю я, улыбаясь...

* * *

Нас старят не годы
И белые пряди,
Нас старят невзгоды
И мудрость во взгляде.
Не скованность
Лёгких когда-то движений,
Но страх от рискованных
Резких решений,
Боязнь перемен,
Прежде сильно желанных,
Морщины измен
И тревог постоянных.
И тот лишь, кто смеет
Дорогой негодной
Идти за своею
Звездой путеводной,
В ком бьётся
Неистовый жизненный голод, —
Лишь тот остаётся
Беспечен и молод.

* * *

Приезжай просто так, не по делу.
Я горячего в чашки налью,
Расскажу, что ещё до предела
Не дошла в этом сонном раю.

Приезжай! Погуляем по лесу,
Почитаем друг другу стихи,
Опустив снеговую завесу,
Лес отпустит нам наши грехи...

Приезжай! Мы давно не видались,
Обещанья съедали дела,
Ты мотался в далёкие дали,
Да и я усидеть не могла...

И сменялись за окнами краски,
Календарь мой настенный худел...
Приезжай? В Рождество, или в Пасху —
Отложи наслоения дел,

Приезжай! Ты, возможно, застанешь
Ускользящий, гаснущий свет,
И, присев, в одиночку помянешь
В зимних сумерках мой силуэт.

* * *

Он болеет. И она болеет.
И никто друг друга не жалеет.
Разошлись на разные орбиты,
И сидят — обижены, сердиты.
Пьют глинтвейн, портвейн или таблетки,
Заперев себя в незримой клетке.
Веселятся деланно, натужно,
А ведь им одно, по сути, нужно:
Чтоб другой, далёкий — не болел.
Чтоб приехал. Чтобы пожалел.

Зимой на пляже

Скучает мужчина на пляже январском,
Холодные волны колышут свинцом,
Выходит из порта корабль «Луначарский»,
Мужчина от ветра отводит лицо.
По гальке, меж клочьями пены и тины,
Бредёт деловито бакланов отряд.
Вздыхнув, достаёт сигарету мужчина,
И спичку ломает, вторую подряд.
Зачем он приехал, за кем он приехал?
Никто не воротит события вспять,
За криками чаек — от стонов до смеха —
Не вспомнить, не выбрать и не разобрать.
В испарине волн размывается образ,
Который так трепетно был им храним,
Мужчина под нос что-то шепчет про возраст,
И вдаль удаляется, как пилигрим...
А море — грохочет, а чайки — хохочут,
Вздыхают на рейде вдали корабли.
Найти невозможно того, кто не хочет
Найтись на краю этой стылой земли...

Горькие мысли

Смывает ревность-горе,
Как чёрная волна,
Когда с Ней в разговоре,
Он говорит — «Она».
«Она — не понимает,
Она всегда кричит,
Не ждёт, не обнимает,
Не слушает, ворчит,
Она меня не любит,
Не то, что ты — мечта,
Она меня погубит,
А ты — совсем не та!
Но ведь её не бросишь —
Иссохнет, пропадёт,
Ну что тут с жизни спросишь?
Пусть всё, как есть идёт...»
...А я тону под грузом,
Обид, вины и слёз,
Ненужная — обуза,
Я думаю всерьёз,
Что не вернуть былого
Сколь не старайся вновь,
Среди обмана злого
Не возродить любовь...
Молитва с губ слетает,
Но небеса глухи
С издёвкой посылая
Взамен любви — стихи...

* * *

Мигрень. И пальцы на висках
В попытке удержать границу,
И боль, зажатая в тисках,
Ритмично бьющая в глазницу.
Известны способы борьбы
С змеей, вползающей под череп,
Но заклинания — слабы
Коль заклинающий — не верит.
Я уползаю в темноту,
К окну, распахнутому настезь.
Мигрень, уйди за ту черту,
Где ты собою жизнь не застишь!

* * *

Ты выдохнул. «Сама пришла?» —
Я нерешительно кивнула.
Ты сжал до хруста спинку стула,
И, помолчав, сказал: «Дела...»
Я теребила шарф в руках,
Скользя зрачком по интерьеру,
(Такая у меня манера) —
«Типичный дом холостяка...»
Ты этот взгляд перехватил,
Смутился и пошёл в атаку:
«Ну да.. Живу, как видишь — так вот,
Хозяйствую, по мере сил...»
«Ты проходи...» — и вдруг — озноб!
Как будто оборвалось что-то —
Чужое на серванте фото,
Мне взглядом выстрелило в лоб.
О, как моя нелепа роль,
Кто звал меня на этот остров?
И снова — бегства приступ острый,
Через отчаянье и боль,
Через попытки забывать,
И адреса и адресата...
Ты вслед смотрел мне виновато,
Присев устало на кровать...

* * *

Лишь на подушке отпечаток,
На фото — смутный силуэт...
В прихожей нет твоих перчаток,
И писем странных — тоже нет.
Пустеет пепельницы омут,
Дым унесло в голубизну...
Лишь тихий звук, как будто тронул
Сквозняк далёкую струну.
Мне этот звон — как наважденье,
Под череп вкрадчиво ползёт,
Уносит в головокруженье
Беззвучных нот водоворот.
О, как ясна мне бесполезность
Сопротивления судьбе...
Что ж, окажу тебе любезность —
Я не напому о себе...

* * *

Встать пораньше, нажарить котлет,
Посмотреть, как ты сонно потянешься
И ответить решительно «нет»
На просящее «может, останешься?»

День морозный ещё впереди,
А пока — только сумерки синие,
Я уйду. Покури, посиди,
Позови меня в спину по имени,

И на кухню пройдя босиком,
До котлет доберись вседозволено,
Где, глотая кусок за куском,
Крикни в стену — «Опять пересолено!»

* * *

Мазок фальшив и слог невнятен.
Прокисло старое вино.
Развесели меня, приятель,
Напомни, как давным-давно
Самозабвенно зажигали,
Как уносились высоко,
Как песни новые слагали
И отпускали их легко!
А нынче — лишь воспоминанья,
Что зеленой была трава.
Недомоганья и брюзжанье,
Забита бытом голова.
Пейзаж бесцветен, хлеб безвкусен,
Натужно тянется зима,
Сюжет банален, безыскусен,
И невесёл, как я сама.

* * *

Слышишь? — Ветер рвёт с петель
Форточку на кухне...
За окном ревёт метель,
Лампочки потухли,
Жутко, страшно ночевать
По такой погоде,
Кот забился под кровать,
Ходики не ходят,
Разожгла с трудом свечу —
Разлетелись тени,
Шаль сползает по плечу,
Я сижу в смятении:
То ли пялиться во тьму,
подавившись страхом,
То ли позвонить тому,
Кто все бури махом
Прекратит одним щелчком,
Бед не замечая,
Подмигнёт мне, со смешком...
— Кофе, или чаю?..

* * *

Мужчине нужна еда.
Ребёнок играет в мячик.
Она ещё молода,
Она ещё редко плачет,
Разводит в печи огонь,
Глядит на гудящий пламень,
И греет свою ладонь
О тёплый белёный камень.
И думает, что тепло
Могло быть не камнем вечным,
Что быть бы живым могло,
Ласкающим, человечьим,
Мягчайшим, как прядь волос,
С запутанной в ней травинкой,
В тот памятный сенокос,
С плутающей вдаль тропинкой...
Тропинка и привела —
К порогу, к печи, к кровати...
Мужчине нужна еда.
Она расстилает скатерть
И смотрит на чистый холст,
Холодный и белоснежный,
И ставит еду на стол,
И хлеб нарезает свежий,
И громко зовёт к столу —
Ребёнок бросает мячик...
Она ворошит золу.
Она ещё редко плачет...

Возвращение

Входи. Ну что ты мнёшься на пороге?
В ногах нет правды (впрочем, нет нигде).
Устал, продрог, оголодал с дороги?
Там где-то есть сухое — на гвозде...
Поведай мне, что видел в дальних странах,
Как там живут, что пьют и что едят?
Но, погоди, ты стал каким-то странным,
Не то лицо, и отрешённый взгляд
Блуждает по родным когда-то стенам
И, кажется, совсем не узнаёт...
Я вижу, что не рад ты переменам?
Что всё теперь чужое, не твоё?
Садись, поешь. Поговорим позднее.
Устал бродить? — А я устала ждать,
И каждый раз, надеяться не смея,
На стук чужой в ночи к дверям бежать.
И каждый вечер накрывать на ужин,
Чужих к столу радушно приглашать
И думать: Боже, да кому он нужен!
И вновь на стук в ночи к дверям бежать...
Неловкое движение рукою...
Как от ожога дернулась спина —
Прости, меня ты помнишь не такую —
Я слишком долго прожила одна
За нас двоих. За годы этих странствий,
За календарь с крестами, как погост,
За непересечение в пространстве!
Давай же выпьем? — Превосходный тост!

* * *

Вот так, плетёшь в ночи интриги
И улыбаешься хитро,
А по утрам, надев вериги,
Опять спускаешься в метро
И стоя спишь, в толпе качаясь...
На автомате — в переход,
И ты почти не замечаешь,
Не слышишь жизни тихий ход...
Но — вечер, рюмка в круге лампы,
Планшет, скрипящая тахта,
И ты бодришь свои таланты
Поэта, тролля и шута,
Манипулятора, факира —
Ты сам себе теперь король!
Отпив из рюмки эликсира,
Очередную сменишь роль
И наслаждаешься успехом
У бледных сетевых теней...
А сверху смотрит Бог со смехом
Спектакль твоих никчемных дней...

* * *

За окном электрички —
Бесконечный сугроб,
И колёс переключка
Выбивает озноб,
Непрозрачные окна
С отпотевшим глазком —
Льда и снега волокна
Заплели всё вьюнком,
Заплелись в мои пряди,
В череду моих дней...
...Не буди меня ради
Остановки моей...

Менялы

Пора менять среду. И лучше — на субботу.
Пора менять свой круг. И лучше — на квадрат.
Пора менять друзей, привычки и работу,
Пора, пора менять — менялы говорят.
А что дадите вы? — я у менял спросила,
На все мои дары, что получу взамен? —
Получишь новый путь, задание и силы,
И пендаля под зад, чтобы придать момент.
Пора менять себя. Но с кем бы поменяться?
Быть может с той, что ждёт через колоду лет?
А может лучше с той, которой восемнадцать?
А может не менять? — молчание в ответ.
Уже который час торгуюсь я с собою,
Менялы в стороне взирают со смешком,
Растерянно трясу полупустой торбою,
А у менял — вся жизнь рождественским мешком...

Конфликт

Мне нечего тебе сказать.
Тебе, подозреваю, тоже.
Нам трудно злость свою сдержать,
Она сейчас обоих гложет.
Слова обидные искрят,
Высоковольтным напряженьем,
Всплывает чёрный липкий яд
Со дна душевных отложений
И заливают нам глаза,
Переполняет злобой разум...
Эх, нам бы дать по тормозам
И прекратить всё это разом!
Ведь всё развеется к утру,
И лишь осадок мутный будет...
Здесь пленных, знаю, не берут,
А победителей — не судят...

* * *

Пируем! И чёрт с ней, с Чумою!
К чему нам бояться Чумы?
Над нашей просторной тюрьмою
Не властны посланники тьмы!

Потерь и прорех не считая,
Танцуем на шатких столах,
Мы — табор, мы — банда, мы — стая,
Кровь бесится в наших телах!

Ломая посуду и кости,
Швыряя монеты в окно,
Горим мы от яростной злости,
И льём мимо глоток вино!

Пылает на щеках румянец,
Гремят барабаны в груди!
Чума, приходи к нам на танец!
Не бойся, Чума! Приходи!

* * *

Я проигрываю сраженьё.
Я воюю сама с собой.
Но признать своё поражение
Я не в силах, и лезу в бой,
И кричу, и несу потери,
И от злости рыдаю вновь.
И грызутся во мне как звери,
Одиночество и любовь...

* * *

А в зеркале — глаза пустые
И смятые черты лица...
Сдалась. И всё вокруг постыло.
Жизнь в ожидании конца
Повтором ежедневным длится,
Унылой чередой долгов,
Плывут пред взором чьи-то лица,
Огни далёких городов...
Слова, заезженной шарманкой,
Который год — один куплет.
Сижу усталой обезьянкой,
Жую счастливый свой билет...

Пауки

Предположим, в 7 остывает солнце.
Предположим, в 8 приходишь ты.
Ты приносишь мятые три червонца,
Я вставляю в вазу их, как цветы.
Вечер скорбен наш, незатейлив ужин,
Суп наш жидок и остывает чай.
Мы не помним кто и кому тут нужен,
Просто как-то встретились невзначай,
И потом сто лет невзначай прожили,
Утром — кофе, а по выходным — в кино,
Мы черты лица своего забыли,
И лица напротив — давным-давно,
Нам вдвоём не холодно — нам привычно:
Жизнь под нас продавлена, как диван.
Всё у нас нормально и безразлично,
Пусть безлично, но — без тревог и ран,
Друг сквозь друга мы прорастаем тенью,
И проходим мягко, не зацепив,
Так вырастают высохшие растенья,
Или так сплетается звук в мотив,
Незаметно, тихо, неосязаемо
Мы с тобой как старые пауки,
Заплели, закутались паутиной,
Чтобы не рассыпаться на куски,
Чтоб не резал глаз яркий свет в оконце,
Чтоб ровно в срок и без суеты
Точно знать, что в 7 — остывает солнце.
Точно знать, что в 8 — приходишь ты.

Малиновое

Прогноз на Орёл обещает дожди.
Прогноз на июнь обещает малину.
Астрологи пишут мне «счастья не жди».
Ноябрь обещает к малине ангину...
Но врут все прогнозы, и нечего ждать
У моря в тоске перемены погоды:
Стряхнуть ожиданья тугую печать,
Пойти на причал провожать пароходы,
И с ними подальше печаль отпустить,
И кинув монетку в волну, через спину,
Из термоса чай осторожно налить,
Добавив из банки июньской малины...

Припасы на зиму

Тихо-тихо на нас наступает
Время долгой, протяжной зимы,
И под горло комок подступает,
И в ладонях снежинки не тают,
И тепло забирают займы...

Мы готовим на зиму припасы,
Словно птицы, набив по щелям:
Застеклённого перца лампасы,
Груз медовых и яблочных спасов —
Всё разложено по штабелям.

Приготовлено всё к погребенью
Под снега, под ночное вытьё.
И великое будет смиренье,
И янтарное будет варенье
Разливаться в зимовье моё...

Танцы на костях

Конечно же, мир наш несовершенен
И шёлк заменён камуфляжем,
Оружие — вот аргумент для решений!
Спляшем, Пэгги, спляшем.

Под звуки металла и лязг автоматов,
Озвучим гнусавым дубляжем,
Живых превратим в череду экспонатов,
Спляшем, Пэгги, спляшем!

Под небом, затянутым дымом и гарью,
Распоротым вкось фюзеляжем,
Мы в паре с какой-то неведомой тварью
Спляшем, Пэгги, спляшем!

Осколки, обломки и лозунгов клочья
Завертит в безумии нашем,
Мы — демоны этой кошмарною ночью.
Спляшем, Пэгги!

Спляшем?

* * *

Ты не читал моих стихов,
И пенья моего не слушал,
Ты был тягчайшим из грехов,
Который я брала на душу.

Я силилась одно понять:
Что ты нашёл во мне — обычной,
Умевшей слушать и менять
Слова на паузы привычно,

В вечернем свете суп варить,
Признанья принимать без веры,
Не осуждать и не корить
За алкогольный пыл сверх меры...

А от тебя исходит стон
Потустороннего пространства
И я валюсь в тебя, как в сон,
Как в исключённость постоянства,

В сплетенье музыкальных тем,
В бурленье фраз многоязычных...
Скажи, за что, скажи, зачем?!
Что ты нашёл во мне — обычной?

* * *

Поднимается сильный ветер.
Задувает огонь свечи.
Мы с тобою — одни на свете,
Не молчи же ты, не молчи!

Ветер плачет о ком-то, стонет,
Бьётся птицею о стекло.
Ледяные мои ладони
Ищут сквозь темноту тепло,

А находят лишь холодный камень...
Боги бросили нас одних.
Я скольжу по тебе руками —
Ты выскользываешь из них,

Я хватаюсь за струйку пепла —
Ветер пепел уносит прочь...
Я валюсь в ледяное пекло —
В одиночество, в зиму, в ночь.

* * *

Погода — дрянь! Зайдём, пропустим стопку?
(Здоровый образ жизни — не про нас),
Горячего во внутреннюю топку
Зальём (и, разумеется, не квас)!
Потом под осуждающие взгляды
Расскажем непристойный анекдот.
Коль жизнь нас наспиговывает ядом,
То спирт, мой друг, — отличный антидот!
И что с того, что стены наступают,
И давит осуждения печать?
Мы смотрим вверх! Там ангелы летают!
Мы станем с ними Космос приручать,
И тыкать пальцем в дальние созвездья,
И запускать бумажный звездолёт!
И лишь похмелье станет нам возмездьем
За несанкционированный взлёт!
Отпустим же усталых херувимов,
Опустим же истёртые крыла...
Погода — дрянь. И мы — неисправимы.
Но есть резерв. И значит — жизнь светла!

* * *

...И грохот прибоя о вечные скалы
И чайчи крики на выжженном небе,
Я там, я покуда ещё задержалась
В той праздной и сонной египетской неге...

Глаза открываю в метро, в перегоне,
В стекле отражаются тусклые лики,
А там где-то парус за ветром в погоне,
В воде — разноцветные рыбные блики.

Я снова на скалах — сгоревшим подростком
Гляжу, как дробится волна о кораллы.
И ночью со скользких и шатких помостков
Ныряю туда, где луна ночевала.

Удушливой влагой, дождём морозящим,
Москва отрезвляюще брызнет за ворот,
Бреду между луж и барбосов трусящих.
Опять этот город, опять этот город...

* * *

Знаешь, мне тут без тебя тоска.
Знаешь, я снова читаю тебя с листа
И забываю — память не держит слов,
Помнит картинку, ещё иногда число.
Что за число? Это тоже ушло в провал.
Что за картинка, вот, помню: ты рисовал,
Ты рисовал, и смеялся, и рвал картон,
Впрочем, о чём это я — опять не о том...
Ты же ведь помнишь? скажи, ты ещё меня
Нарисовал бы на фоне белого дня?
Или на фоне чёрной гладкой воды?
Ту меня, помнишь — ещё до большой беды?
Что ты смеёшься, зачем ты пришёл ко мне
В этом запутанном, в рвущемся нитью сне,
В гулкой пульсации, в звоне крови в ушах,
Что тебе стоит — ну, сделай же, сделай шаг!
Что тебе стоит — всего один шаг вперёд!!!

...Сон. Или память. Кто его разберёт...

* * *

Сжимается, сжимается, сжимается пружина.
Смыкается, смыкается, смыкается кольцо,
И сердце не выдерживает взлётного режима,
И болью искажается у зеркала лицо.
Смеркается, смеркается, смеркается всё раньше,
Неотвратимо близится мой личный новый год,
И дарят мне правители потоки злобной фальши,
И топчет соль на улицах измученный народ.
Задёрганы, замотаны, запуганы до смерти,
Ослеплены, заклеены незрячие глаза,
Течём, бежим, толкаемся в житейской круговерти,
И некогда, и не за чем давить на тормоза.
Вливается, вливается, вливается отрава —
С экранов, из динамиков сочится едкий яд,
И вот уже мы делимся: кто слева, а кто справа,
Стреляй, стреляй в неверного — мне сверху говорят!
Задуматься, одуматься хотя бы на минуту,
Сойти с кругов накатанных — почти сойти с ума!
Довериться нетореному, личному маршруту, —
Веди меня, промозглая московская зима!
Сплетается, сплетается, сплетается верёвкой —
Моей души отчаянье, с бездушием чужим...
Зима крадёт спокойствие карманною воровкой
И нити рвёт и путает у Парок-сторожих...

* * *

Ты ходишь следом и твердишь,
Что так нельзя, что божья кара...
А я читаю про Икара,
Не зная, что там — впереди.

Ты закликаешь «будь как все»,
Пеняешь за немодный свитер,
Что я не в тренде, и не в свите,
А на нейтральной полосе.

Ты хочешь лучшей для меня
Карьеры, должности и доли,
Не понимая, что в неволе
Не протяну я даже дня.

Твои капризы не новы,
Они теснят меня лавиной,
Но мы с тобой — две половины,
Одной несносной головы...

* * *

Не включай! Посидим в темноте,
К чёрной краске зрочки приучая,
Не касаясь остывшего чая,
В тишине, в декабре, в пустоте.

Стук часов маркирует года,
Как вода с протекающей крыши.
В темноте их отчётливей слышно —
Тик-да-так, ка-да-кап, на-всег-да...

Ты туманишь дыханьем стекло,
Или чай, остывая, туманит?
Темнота нас качает, дурманит,
Время вместе с водой истекло.

Бой осёкся... И всё в тишине
Прекратилось, затихло, застыло...
Ты ладонь положил на затылок
И спустился рукою по мне...

* * *

Солнце движется тихо к вечеру,
И сказать нам друг другу — нечего,
Всё давно перепето-сказано,
Переспорено и доказано.
Перемыта посуда чайная,
Ничего я не жду случайного —
Ни подарков, ни знака странного,
Ни послания иностранного.
Не балуют меня сюрпризами —
Только кофтами, да сервизами,
Знаю всё наперёд, заранее —
Догорание, умирание,
Солнце движется тихо к вечеру,
И сказать нам друг другу — нечего...

* * *

Помяни меня в своих молитвах!
Впрочем... Мы не молимся давно.
Не дождавшись кухонь, прямо в лифтах
Распиваем горькое вино,
Застреваем между этажами
Наших браков, глупых и смешных,
Бесприютно пьём со сторожами,
Обгоняем через две сплошных,
Суетимся, бьёмся, вылетаем,
За кюветы принятых границ...
И летаем. По ночам — летаем
Косяками странных лунных птиц,
Уходящих в небо прямо с крыши,
В ломанные звёздные пути —
Мы уходим — выше, выше, выше!
Помяни. Прости. И отпусти.

* * *

Мёртвая зона без сна и любви.
Я изучаю в глазок монитора,
Мутные тени моих визави,
В дальнем конце интернет-коридора.
Час пополуночи. Это пора
Спящих детей в приглушённых квартирах,
Взрослым доступна простая игра —
Поупражняться в эссе и сатирах,
Понаплести чепухи и стихов,
Взять все эмоции диапазона —
Споров, стенаний, восторгов, грехов...
Час пополуночи. Мёртвая зона.

* * *

О, нет, любви здесь нет в помине —
Давайте будем с ней честны.
И в жилах кровь давно не стынет
От колебания струны,
Притёрлись души жерновами
Житейских драм, квартирных стен,
И маркируются словами
Зарубки мысленных измен.
Нам правит путь — привычки дышло,
И мы покорно тянем груз,
Страшась, чтобы чего не вышло
За рамки вынужденных уз —
Мы ими связаны навеки,
Мы дышим тяжело, горячо,
И видим в близком человеке
Боль. И надёжное плечо...

* * *

Я растеряла навык быть счастливой,
Но научилась хватке и броску,
Напористости жёсткой и крикливой,
Вопросы приставляющей к виску.

Остался лишь на пожелтевшем фото
Вихор на чёлке солнечным лучом.
Безжалостна у времени работа —
Кому — врачом, а мне — так палачом:

Оно, как скульптор, лишнее срезает,
Обкатывает угол на овал,
И нас, несовершенных, подменяет
На безупречный мёртвый идеал!

* * *

Всё меньше слов. Всё больше тишины.
Всё ближе вход в неясное пространство...
И мы с тобой почти обречены
На гулкое паденье в постоянство,
Но по привычке ловит край рука,
Выхватывая звуки и предметы,
Беспамятство не примет нас, пока
Мы верим в наши слабые приметы,
Пока звенит над нами оберег,
Сплетающий страданья и беспечность,
Нас не отпустит этот бранный брег
Туда, где время поглощает вечность...

* * *

Всё, мой друг, имеет смысл:
Снег на варежке с прорехой,
Старый пёс с пахучим мехом...
Обжигающая мысль.

Знать, зачем-то нам нужны
Эти беды и потери,
Эти люди, эти звери,
Эти маетные сны...

* * *

Поплакать-то можно — чего ж не поплакать:
Мол, вечно погода — то стужа, то слякоть,
Мол, плохо с зарплатой, культурой, властями,
И хуже пожалуй, лишь пресс новостями.
Припомнить далёкие светлые годы,
Где были прекрасны трава и погоды,
Где мы карапузами яблоки ели,
Где мамы смеялись, а мы — не болели.
В какой же момент преломилась удача? —
Мы стали поглядывать как-то иначе:
Тревожные мысли, уютные кресла,
Жирком потихоньку заплывшие чресла,
Друзей заменяли на нужных и важных,
Пинали блаженных, боялись продажных,
И как корабли из заржавленной стали
Недвижимым мы барахлом обрастали...
Так что же за зверь нас грызёт изнутри,
Когда мы возводим свои алтари
И просим у разноязыких богов
Послать нам прощенья душевных долгов,
Чтоб в нас не кровила душевная мякоть?
...Поплакать-то можно — чего ж не поплакать...

* * *

Снег падает... Торопится зима
Своё добро нам выдать напоследок,
Чтоб мы пошли за зайцами по следу,
Туда, где ковыли, как бахрома,
Колышутся под ветром в белом поле,
Где вьёт позёмку тонкая вуаль,
И горизонт уносит ветром вдаль...
Где нет границ. Есть благодать и воля...

* * *

Я не сразу поняла,
Что тебя я потеряла.
Я по-прежнему жила,
По тебе часы сверяла:
Утром — завтрак, ночью — сон,
Ты под боком, всё в порядке,
Даже дышим в унисон,
Как упряжные лошадки —
Вместе выли от кнута,
Вместе мучились от жажды...
Только рядом — пустота —
Ощутила я однажды...
Оказалось — мы поврозь,
Хоть повязаны делами,
Что же случилось, что стряслось? —
Стали узы кандалами,
Измотав друг друга в кровь,
Мы запутались в сомненьях:
Тяжкий груз — тянуть любовь
Вместе... в разных направленьях.

* * *

Холодный пол под пяткою босою,
Тревожный свет фонарный за окном,
И шаль, ползущая лавиной косою
Куда-то вниз... Мой дом окутан сном,
И только я, блуждающей планетой
Брожу меж комнат, этажей, миров,
И мне ни места, ни покоя нету,
И я чеканю странную монету
Ритмично падающих на бумагу слов...

* * *

Боюсь входить...
Боюсь коснуться кнопки
Звонка у заколдованной двери,
И разбудить вторжением неловким
Сокровище, уснувшее внутри...

Боюсь узнать
Что там, за этой дверью,
Давно гуляет ветер по углам,
Лишь я наивно продолжаю верить,
В хрустальный звук, скользящий по полам,

И в лунный свет,
Блуждающий с улыбкой
По вензелям, фарфору и коврам...
И было бы фатальной ошибкой
Войти туда — в придуманный мной храм.

И я стою
На лестничной площадке,
Где, хлопьями слетая с потолка,
Побелка оседает на перчатке,
Оброненной под кнопку звонка...

* * *

Вечер гложет сухую кость
Неудавшихся дел и планов.
Нежеланный на кухне гость
Громко спорит среди бедлама...
Всё чужое, и всё — моё,
С отпечатками слов и пальцев:
Грубо слепленное жильё
Во владении постояльцев,
А хозяйева — где они? —
Растворились в углу у печки,
И мешают в кастрюлях дни,
И подмешивают словечки,
Что как крошки роняет гость,
Опьянев от бесед и пищи,
Солью — слёзы, и перцем — злость, —
Этих специй в запасе — тыщи.
В полумраке, сквозь треск и чад,
Сквозь надсадные разговоры,
Странно светится дикий яд,
Что сочится сквозь наши поры,
И уходит под скрип полов,
В бесконечные подземелья...
И витает поверх голов
Очищение — как похмелье...

* * *

Тишина в библиотеке,
Тень дрожит на потолке,
«Ныне, присно и вовеки» —
На страничном уголке
Кто-то написал посланье
Из далёких смутных лет,
То ли прадеда дыханье,
То ли правнука ответ,
Чьих пометок мелкий почерк
Поперёк чужой строки?
Перьевой нажим и росчерк
Тёплой некогда руки...
Запах пыли смежит веки,
Тянет голову на дно...
«Ныне, присно и вовеки» —
Для чего ты мне дано?..

* * *

В тысячный раз начинается сказка,
В тысячный раз прилетает зима...
Шапка-ушанка и книжка-раскраска,
В парке под горкою — куча-мала,
Пост наблюдательный — кухни окошко,
Запотевают — кастрюли кипят.
Хочется маленькой стать понарошку,
С горки свалиться, промокнуть до пят,
Варежку данью оставить в сугробе,
С грохотом санок вернуться в подъезд,
Валенки скинуть на тёплом пороге,
В кухню прошлёпать на тёплый насест...
Полно. Чужие катаются дети,
Кухня чужая и город чужой.
Только луна всё такая же светит,
Только зима ворожит Госпожой
И продолжает извечную сказку,
Тонким узором в оконной слюде.
Шапка-ушанка и книжка-раскраска,
Где вы, забытые, где же вы, где?..

* * *

В синих всполохах экрана
Ночь зализывала раны,
Утыкалась мне в подушку,
Под руку толкала кружку,
Между снами билась птицей,
Разлепляла мне ресницы
И шептала: «Слышишь, слышишь? —
Звёзды падают на крышу,
Сбившись в огненные стаи
Листья к югу улетают,
И скользя по сонным стенам
Луч луны вскрывает вены
Бритвой тонкой и звенящей,
Кровь призывно леденящей,
Зазывая превратиться
Руки — в крылья, тело — в птицу...»
...Лунный морок тянет жилы,
Ночь напилась новой силы,
Грохнула пустой бутылью,
Разрослась, раскрыла крылья,
И, спикировав, слетела
На кровать с печатью тела...

Дети Зимы

Мы не ждём перемен,
В нашем сердце — космический холод.
Мы не ищем тепла,
Мы — приёмные дети зимы.
Мы — наследье измен,
Нами движет неистовый голод,
Выжигая тела,
Заполняя бессмертьем взамен.

Нас не греют костры —
Гаснет пламя под нашим дыханьем,
Покрывается льдом
Под пронзительным взглядом вода,
Мы с рожденья мудры,
Нам назначено свыше задание:
Зависать над гнездом,
Выдувая тепло из гнезда,

Не мигая смотреть,
Как живое становится мёртвым,
Мягким снегом ласкать,
Убаюкивать песней пурги,
Закружить, завертеть,
Сделать снегом, сквозь сито протёртым...
Слышишь — ставни стучат?
Это близятся наши шаги.

Равноценен обмен:
Сдай тепло — и останешься молод,
Отрастишь два крыла,
Станешь лёгким, таким же как мы...
Мы не ждём перемен,
В нашем сердце — космический холод.
Мы не ищем тепла,
Мы — приёмные дети зимы.

* * *

Расчёт? Просчёт? — Я так и не узнала —
За что любил, и почему ушёл.
...Застелено без складок покрывало,
Холодной льдиной отливает шёлк,
И я, поджав колени, с этой льдиной
Дрейфую сквозь потоки темноты...
Я только-только стала половиной,
Я только-только перешла на ты,
Почти шагнула на твою планету,
Почти привыкла к кашлю по утрам,
Уже сняла цепочку с амулетом,
Украдкой подложив тебе в карман...
Самой себе рассказывала сказку,
Где умирают вместе в день один,
А ты уже предчувствовал развязку,
И отступал с моих коварных льдин...
Ничто не предвещало мне финала,
Но ледоколом жизнь пошла вразрез,
И ты ушёл. Я так и не узнала —
За что любил, и почему исчез.

* * *

Какая странная зима...
Весь снег сошёл, и пахнет влагой,
И тело делается слабым,
И гаснут всполохи ума...

Безволие в сумерках крадёт
Запасы летнего задора,
И туч неласковые шторы,
Задёргивают небосвод,

Случайный оборвав просвет...
И лишь в грудной скрипящей клетке,
Алеет снежирём на ветке,
Пульсирующий сердца свет...

* * *

Я вдруг поняла: мне не хочется больше весны,
И солнцу высокому я отчего-то не рада:
Я недосмотрела шикарные зимние сны,
И недостояла под тихим ночным снегопадом.
Ручьи и распутица, лужи с купанием птиц,
Всё это — избыточно, ярко и так суетливо...
Прикрыться от света пушистой завесой ресниц,
Представить себя одинокой и очень счастливой,
Единственной зимней, во всей этой шумной возне,
Прекрасно-прозрачной — чистейшего льда изваяньем,
И пусть все вокруг воспевают осанну весне,
А я расцветаю под северным бледным сияньем.
Морозное звёздное небо так странно манит,
Мерцающая алмазными гранями дальних созвездий...
На кончике крыши сосулька тихонько звенит —
Печально зима о своём возвещает отъезде...

* * *

Зима зацепилась хвостом за апрель
И злится, кусает свой хвост...
А я увидала в окно сквозь метель —
Тюльпан из сугроба пророс!
Торчит из-под снега зелёный стручок —
Бутон, завернувшись в листву,
Царапает зиму в облезлый бочок —
«Ты видишь? — Я здесь, я живу!
Проваливай, белая злобная тварь,
Оставив клочки по кустам!
Ты спутала, видно, апрель и январь,
Прижилась ты к нашим местам!»
Зима огрызается, вьётся в клубок,
Но силы её не равны,
Когда семафором зелёным цветком
Зажёг приближенье весны!

* * *

То ли дождь, то ли снег, то ли век —
Зарядил, и никак не проходит.
Я сникаю под тяжестью век,
Набухающих сном по погоде.

Серым светом отмечился день,
Тёмно-серым отметится вечер,
Полусвет, полумрак, полутень
Паутиной ложатся на плечи.

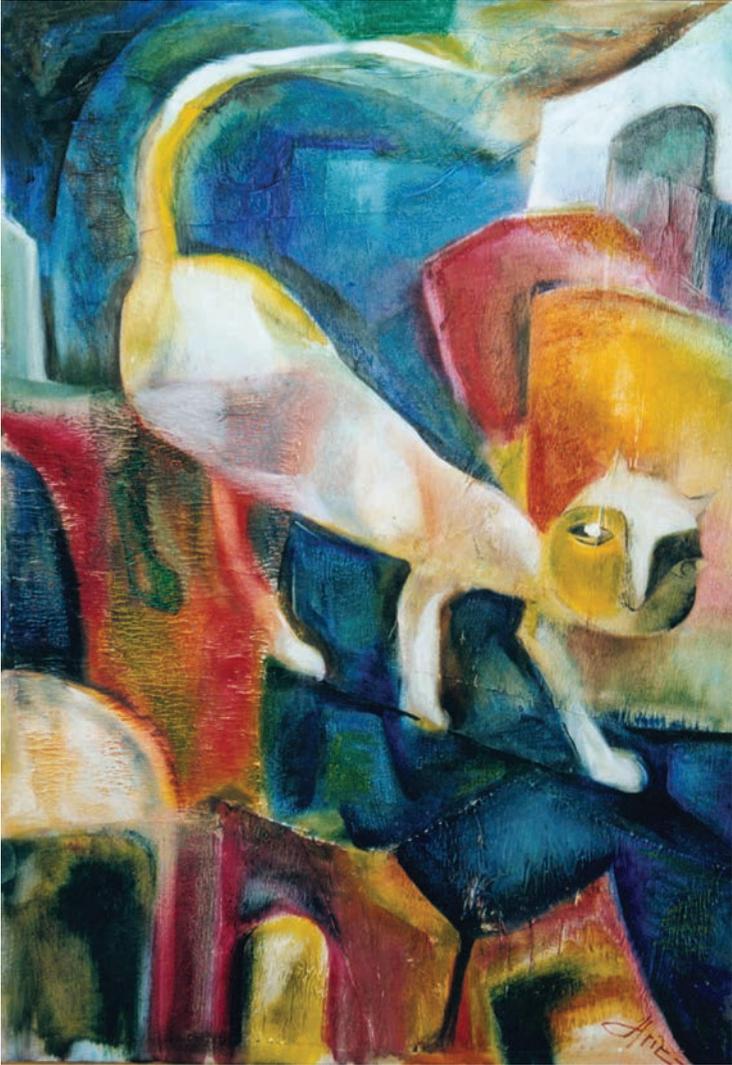
Цепенею. Пытаюсь согреть
Свой озноб остывающим чаем.
И в метель за окном — не смотреть!
Отучаю себя, отучаю.

Я же помню — бывает весна,
С небом синим в ручьях под ногами!
Видно где-то уснула она,
Утомленная битвой с снегами...

* * *

День удлинился. На улице плюс.
Пахнет ручьями, блинами и хлебом.
Банды котов репетируют блюз,
Птицы из луж устремляются в небо.
Мне бы за птицами, только беда —
Выдалось зверем бескрылым родиться,
И остается одно — наблюдать,
Как в небесах рассыпаются птицы.
Я раскрываю пошире окно,
И отменяю закон тяготенья:
Нет, невозможно такую весной
В небо смотреть в городском заточеньи.
Кто там сказал про бескрылье людей? —
Тот, кто крылатым с рождения не был!
Вверх! — над сплетеньем дворов, площадей!
Вдаль! — по весеннему синему небу!
С птичьими криками, с воем котов
Странную стаю я клином построю:
Всех, кто сегодня ко взлёту готов,
Я приглашаю на встречу с Весною!

Апрель

Опять качается луна,
Опять кончается неделя,
Я слышу песенку апреля:
«А ты одна, опять одна».
Плыву безвольна и нема
В своём унынии безбрежном,
А мне апрель мурлычет нежно:
«Сойди с ума, сойди с ума»...
О, искуситель мой, апрель,
Смени пластинку, сделай милость!
Сыграй, чтоб солнце закружилось,
Возьми волшебную свирель!
Чтоб поутру позолотил
Рассвет мне волосы и руки,
И отпустил грехи и муки,
И в май тропинку подсветил...

* * *

А где-то на совсем другой планете
Люди пишут песни, читают стихи.
..Я сижу в приглушенном лунном свете
Моего болотца, моей тоски.
Я перебираю страницы ссылок,
Я листаю память: чужую, свою.
Кто б меня за шкирку на улицу выволок,
Или захотел услышать, как я пою?
Нет таких. Кругами давно разбежались
По орбитам стран, городов и времён.
Я сижу и сетую — ах, какая же жалость,
Что собрать их всех не хватает силёнок.
Мне б себя собрать — разлетелась осколками,
Королевским зеркалом злым, ледяным,
Одиночество где-то внутри иголкой
Ковыряет то, что недавно было живым.
Ничего, пройдёт... Утро стукнет дождичком,
Я спущусь с поднебесья на кухню вниз.
Выпью кофе, разрежу яблоко ножичком.
Глубоко вдохну. И нырну в жизнь.

* * *

Время кончается в январе,
И начинается в марте...
Можно всю жизнь прожить во дворе,
Ставить флажки на карте,
Изображения дальних стран,
Клеить в дневник бумажный,
Взглядом буравить ТВ-экран,
Мыслить себя отважным
Странником, лётчиком, моряком,
Храбрым, слегка усталым...
...Тихо шуршать городским хорьком,
Между сугробов талых...
Встать на весенней тугой заре,
Место купить в плацкарте,
И, позабыв про всё в январе,
В путь устремиться в марте...

* * *

Я бы, может, вам рассказала,
Где бывала и как жила,
Уезжала с каких вокзалов,
И кому пироги пекла,
Сколько путалась, ошибалась,
Расшибалась и в кровь и вкось,
Как отчаявшись — оживала,
Как свою выправляла ось,
Всю погнутую о невзгоды,
Об удары недобрых глаз,
Как сквозь боль приручала годы,
Как навстречу любви неслась,
И как было любви той мало
Недолюбленному, ему...
Я бы, может, вам рассказала...
Только вам это всё — к чему?

* * *

Прованский дом, стокгольмский дворик —
Как много в мире милых мест...
Так отчего ж, щемяще горек,
Родной исписанный подъезд?
Не то, что в горных деревеньках,
Не то, где стрит и авеню,
Но все щербинки на ступеньках
Я бережно в себе храню,
И накупив вдали подарков,
По сумкам распихав с трудом,
Приметы чьей-то жизни яркой
Вношу, чтоб свой украсить дом...

* * *

Что-то в ней было, в этой квартире,
С комнатой узкой два на четыре,
С запахом книжек, кофе и пыли...
Что-то в ней было, что мы забыли,
И повсеместно ищем приметы
Мы позабытой комнаты этой...
В модных отелях, в дальних приютах
Ищем мы давний признак уюта:
Лампу с отбитым краем плафона,
Пальцем затёртый диск телефона,
Мелкий цветочек старых обоев...
Нет той квартиры. Нет нам покоя.

* * *

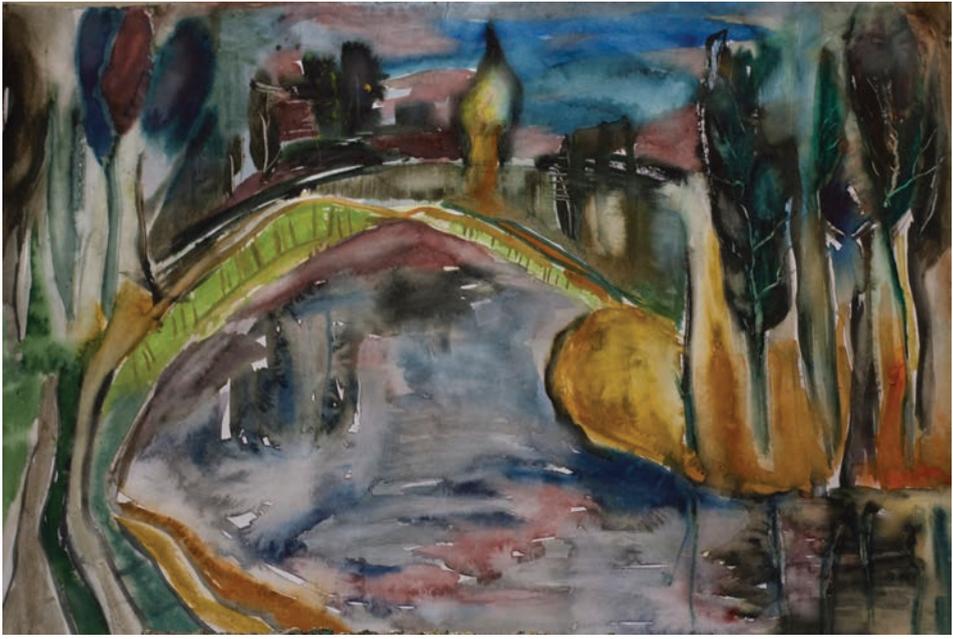
Скажи, тебе бывает грустно,
Когда в ночи горит звезда,
А ты — один, темно и пусто?
Скажи, ты плачешь иногда?
Скажи, когда лучом лукавым
Щекочет солнечный рассвет,
Назло всем правым и неправым
Ты улыбаешься в ответ?
Скажи, сквозь ворох дел серьёзных,
Сквозь мудрость всех прожитых лет
Ты всё такой же — невозможный
Чудак, мечтатель и поэт?
Тебя всё так же манят тропы,
Покрыты утренней росой,
Зовут Америки, Европы
Расстаться с средней полосой?
А ты — всё так же не решишься
Сменить фантазий буйных храм
На пыль дорог? Ты спишь и снишься
Далёким птицам по утрам...

Портрет

Если бы кто однажды
Мой написал портрет,
Он бы соврал в нём дважды:
Нет меня целой, нет.
Есть лишь слои, наброски,
Смазанные черты,
Линии-перекрёстки,
Навыки и мечты,
Образы и гримасы,
Шутки и болтовня...
Сколько эскизов разных —
И ни в одном — меня.

* * *

Кривые Яузы обводы,
И купола по берегам,
И облака, как пароходы,
Плывущие к моим ногам.
Синицы, голуби и утки,
Толкаясь рвут насущный хлеб,
И вечное с сиюминутным
Сплетаются в один молебн:
За здравие уже ушедших!
За упокой тех, кто придёт!
За этот город сумасшедший,
Что вечный морок свой прядёт
Из смога, гула и тумана,
Из чугуна литых оград...
Москва глотает без обмана,
Тех, кто обманываться рад...

* * *

Дорога приведет нас в горы,
И там, где кончится асфальт,
Мы прекратим все разговоры,
Вдыхая звезды и печаль.
Я уберу в карманы руки,
Ты чиркнешь спичкою в ночи.
С цивилизацией в разлуке
Не говори! Кури. Молчи.
Под нами и над нами — вечность,
А мы — песчинки из часов,
Перетекаем в бесконечность
Меж камня, снега и лесов...
Обвал прервёт оцепененье,
Я, вздрогнув, уроню кольцо,
И звон, сигналом возвращенья
Вернёт на землю двух глупцов...
Мы тишину взорвём мотором,
Покинув царство вечных гор,
И только в зеркале обзора
Нам спину выжжет их укор..

* * *

С неба капает время.
Моноotonно стучит,
Звонко, в самое темя.
Темя — ломит, болит.
Перед взором стрекочет
Чёрно-белый сюжет:
Кадр заело. Не хочет,
Рвётся плёнка уже
От повторов затёртых
И безвыходных фраз,
От теней бледно-мёртвых,
Что проходят меж нас...
Мы гипнозно взираем
На белёсый экран,
Время приоткрывает
Потихонечку кран,
Всё сильнее и больше
Череп сверлит струя,
Мы всё терпим, не смеем,
Сбросить сон бытия...
Тёмный зал манекенов
Мокрых, жалких, больных
Смотрит в белую стену,
Где кино — про живых...
Год за годом — всё длится
Это странный сеанс.
Время льётся по лицам.
Время льётся сквозь нас...

* * *

О, эти телефонные звонки!
Не говорить — лишь только слушать голос,
Накручивать на палец тонкий волос,
Молясь: о, Боже, только не гудки!
Так одиноко в молчаливом мире,
Где все спешат, где вечный шум и гам,
Но ты звонишь, и музыкой в эфире
Текут слова дрожанием мембран,
И я готова слушать их часами,
Как сказку на ночь слушает дитя:
«Представь, под голубыми небесами
Растут цветы и птицы в даль летят...»
А я щекой лежу на мокрой трубке,
Вдавлив в подушку пластика брусок...
Ты — голос, очень дальний, очень хрупкий,
Иной Вселенной крошечный кусок...

* * *

Тебе — в маршрутку, как всегда,
А мне — за поворот и в вечность,
И нашей встречи скоротечность —
Быстрее, чем падает звезда.
Я не успею загадать
Ещё одну такую встречу,
И этим, верно, обеспечу
Себя заклятьем — вечно ждать!
Ждать, что сойдутся звёзды вновь
И вдруг придёт твоя маршрутка,
И будет сладостно и жутко,
Встречать забытую любовь...

Синее пальто

Была весна. И безнадежно синим
Был цвет. Не глаз, а только лишь пальто.
Ещё синели голуби-разини,
И синим было небо над мостом.
Ты рассуждал о таинствах природы,
А я кормила булкой голубей,
А под мостом текли ворчливо воды,
А по мосту текла река людей.
Я жмурилась на солнышке весеннем,
Журчала речь, вода и воробьи,
И так не сочетались с воскресеньем
Все скучные нотации твои!
Я любовалась синевой одежды
На фоне золочёных куполов,
И шарфом, так заброшенным небрежно,
И вслушивалась в звон колоколов,
Запоминала звуки и мгновенья,
Как будто я предчувствовала, что
Всё вскоре растворит река забвенья...
Останется лишь синее пальто...

* * *

Снова под ноги ложится дорога —
Взлётным бетоном, просёлком сырым,
Рельсами, реками, горным отрогом —
Много лазеек в иные миры.
Запах едва уловимого чуда,
Солнце и звёзды, сквозь шаткий навес,
Важно — куда, и не важно — откуда,
Главное — смена земель и небес.
Смена пейзажей и взглядов напротив,
Яркие ноты чужих языков,
Перенастройка рассудка и плоти,
Между вершин, берегов, облаков.
И не страшит неизвестность финала,
Непредсказуемость линий пути,
С первым свистком, семафором, сигналом —
Ну же, уходим! Уедем! Летим!

* * *

Лучше — не будет, а хуже — не надо:
Я понимаю тебя с полувзгляда,
Ты понимаешь меня с полувздоха,
Чуешь, когда мне становится плохо,
Чахнешь, когда я случайно влюбляюсь,
Злишься, когда над тобой измываюсь,
Маешься чувством вины и заботой,
Силясь забыть про меня за работой...
Я избегаю тебя, как огня —
Слишком уж ты понимаешь меня...

* * *

Злая, непонятная,
Жгучая тоска!
Словно необъятная
Яма из песка,
Я гребу-карабкаюсь,
И в тоске — тону,
Руки в кровь царапаю,
Вниз иду, ко дну.
Надо мной, с копеечку,
Неба синева,
Я иду по речке,
Кругом голова,
Затрещит, подломится —
Кану без следа...
Это всё — бессонница —
Чёрная беда...

Звуки

Стук по кнопкам, стук дождя —
Сколько разных в мире звуков...
Дверью грохнув, уходя,
Сердце захлебнётся стуком —
Неразборчиво-глухим,
Как проколотое спицей,
Треском резким и сухим
Отзовутся половицы,
Двор усилит стук шагов,
И заглушит скрипом веток...
Много звуков у богов
Разных стилей и расцветок.
Я из них сплету венки —
Жгут из странных какофоний,
И настрою, как звонок,
В личном тайном телефоне...

* * *

Цветы досматривают сны
Под оседающим сугробом...
Я ожидание весны
Ускорю сменой гардероба:
Заброшу варежки и шарф,
Достану сапоги и зонтик,
И пусть меняется ландшафт
В моём отдельном горизонте!
Пусть будут солнце и капель,
И пятна тёмные проталин,
Скворцов пронзительная трель,
Ручьи с водою цвета стали,
И воздух! Пьяный и сырой
И свежий, словно хруст тюльпанов,
На синем — белое перо,
И я рукой его достану!
Из них, из всех — взобью коктейль
С эффектом томных ожиданий,
И растворю в нём акварель
Едва осознанных желаний,
И пусть цепляется зима
За мой подол цветной и лёгкий,
Весна откликнется сама,
Услышав мой призыв далёкий...

* * *

Отвернись! Я не выдержу взгляда,
Где смешались мольба и упрёк.
Я тебе говорила — не надо,
Против жизни идти поперёк,
Я тебя умоляла — опомнись,
Я — не та, ты — не тот, всё — не так!
Ни к чему эта странная помесь
Двух нелепых бродячих собак.
Мы как встретились — так и исчезнем,
Друг на друге наставив рубцов,
Наш союз — невозможно-болезнен!
Отвернись же, в конце-то концов!

* * *

Этот мир — череда зеркал,
Замутнённых, кривых, обычных,
Если видится в нём оскал —
Это твой отпечаток личный.
Эта ночь — твой фотопортрет,
Видишь, пальцев — ветвей сплетенье?
Чёрный профильный силуэт
На Луне проявился тенью,
И ползут, по стеклу струясь,
Капли-слёзы дождём недужным,
И зеркальна взаимосвязь
Между внутренним и наружным...

* * *

В такие дни нужно пить с утра,
Начокавшись вдрызг с погодой:
Пьяна погода ещё с вчера,
Отметив весну с природой!
Коричневым пойлом дворовых ям,
Отравой канав дорожных,
Без края и меры, ко всем чертям,
Бездумно, неосторожно,
Хлебнуть всей душой этот мутный зов
Далёких, звериных предков!
И в жизнь отчалить без тормозов,
Без карты и без разведки!
Похмелье будет. Но разве нам
Бояться того похмелья?
По кочкам-веточкам-валунам
Несёт нас шальное зелье!
Скатает ветром в один клубок
Меня и весну погода —
Кривой, взбесившийся колобок
Без племени и без рода...

* * *

Замолчать. Затаиться. Забыться.
Отключить телефоны и свет.
В спальне сумеречной раствориться —
Нет меня, растворившейся, нет.
Только тени, и вздохи, и грёзы,
Только спутанность яви и снов,
Неподвижность рассудка и позы,
Под наплывом чуть слышимых слов.
Не дышать, чтобы лучше расслышать,
Этот шёпот из странных миров...
Раскрывается книгою крыша,
И струится потоком даров
Звёздный свет, звёздный звук, звёздный шорох,
Серебром еле слышно звеня,
И космический тянущий морок
До краёв заполняет меня...

* * *

Я часто поминаю Бога всеу,
Но всё же я, признаться, не люблю,
Когда меня чужие атакуют,
С крестом на шею вешая петлю,
Когда тихонько в спину подпирают,
Рекомендуют свечку и платок,
И говорят — от края и до рая,
Всего шажок! И жмут за локоток...
Так вкрадчиво, то страхами, то лезтью
Влечут меня в свой чужеродный Храм.
Я говорю посредникам — не лезьте,
Меж мной и Богом, нету места вам,
Я разберусь сама с своим Всевышним,
Мы с ним договоримся глаз-на-глаз,
А остальное — будет только лишним,
Ступайте! Мы поговорим без вас.

* * *

Идти на ощупь в поисках себя,
Прислушиваясь к лицам и предметам,
Не верить ни советам, ни приметам,
Обрывки снов тревожно теребя.
Счищать с себя налипшие слои,
Перебирать «не так, не то, не этот»
Идти на свет. На то, что станет светом,
Когда шаги почувствует мои.

* * *

Монотонный лай собаки,
Стук калитки на ветру —
Всё, страшашее во мраке,
В прах развеется к утру.

На рассвете стихнет буря,
Измотав себя в ночи,
И по вымытой лазури
Солнце выпустит лучи.

На измятую подушку
Ляжет зайчик золотой,
И увьёт мою макушку
Тёплой солнечной фатой...

* * *

Ещё тепла измятая постель,
А дух любви уже покинул тело...
Я удержать его не захотела,
И отпустила умирать в метель.

Растеряна. Растеряны слова,
Что на тебя я сыпала без счёта.
Начнётся утро с нового отсчёта,
И нет — ни Божества, ни Волшебства...

* * *

Как мало тех... Нет, я не про постель —
Про разговор ночной и беспредметный,
Стекающий в туман-дурман рассветный,
Стихающий, как выходящий хмель...

Так мало их — не требующих слов,
И пояснений призрачных намёков,
Без лязга формул, доказательств, сроков,
Парящих в сферах образов и снов...

...Беседу пить, то жадно, то едва
Прихлёбывая краткими словами,
И паузами замещать слова,
Когда рассвет взойдёт над головами...

* * *

С востока на запад, с востока на запад
Летит моё сердце к далеким горам.
Лавандовый запах, лавандовый запах
Сквозь сон настигает меня по утрам,
И солнечный хруст испечённого хлеба,
И белые крылья в зелёной траве,
И синее небо! Звонящее небо!..
... Совсем не такое, как небо в Москве...

* * *

Дождь смывает усталость с лица,
Вместе с тушью, с иссохшею кожей...
Небо сеет водой без конца,
Оседая на куртках прохожих.

Тарабанит по клавишам плеч,
Монотонное водное скерцо,
И летит дождевая картечь,
Проникая за ворот и в сердце.

Я подставлю под небо глаза,
Опрокинув себя с головою,
И сольётся из сердца слеза
С равнодушной слезой дождевою...

* * *

Всё может быть... А может быть и нет —
Даст Бог, ещё пошутим на галерах
О президентах и миллионерах,
О чём ещё шутить на склоне лет?

Всё может быть — ведь нам не привыкать,
Ломать хребет под непосильной ношей,
И вспоминать, конечно, о хорошем,
А о плохом в кошмарных снах кричать.

Всё может быть, и не исключено,
Что мы прибьёмся к берегам чудесным,
Где мы поймём, что, в общем, бесполезны,
И всё за нас предрешено давно.

Ну а пока – на руки поплюём
И по свистку навалимся на вёсла,
И, чередуя осени и вёсны, —
Всё может быть, покуда мы плывём...

С тобой

Авиалинии всех стран,
Зовут, зовут наперебой:
Туда, где склоны и буран,
Туда, где карри и шафран,
Туда, где пальмы и варан,
А я сижу в Москве с тобой...

И турагенства всех мастей,
Мне валят дружную гурьбой:
Рекламу пляжей и снастей,
Рекламу бани и лаптей,
Рекламу фруктов и сластей,
А я сижу в Москве с тобой...

Ведут приверженцы Тельца,
Вокруг меня рекламный бой :
То процедуры для лица,
То бриллианты для венца,
То курсы гуру-мудреца,
А я смеюсь, смеюсь с тобой...

С тобой — в ночи перед огнём,
С тобой — в лагуне голубой,
С тобой — звенящим летним днём,
У облака, под фонарём,
И даже там, где мы умрём —
Ты просто помни — я с тобой.

* * *

Подбери мне платье,
Чтобы было впору
Всякому занятью,
На любую пору:

Хоть зимой на санки,
Хоть в жару на речку,
Чтобы по осанке,
Чтобы по сердечку,

Чтоб через невзгоды
В нём перелетала,
Чтоб тебя сквозь годы
Долго вспоминала,

Подбери мне платье,
Белое, цветное,
Чтоб твоё объятье
Слилось в ткань со мною...

* * *

Поездка, как бегство, тебе не поможет:
Придётся вернуться к родным берегам,
Где вязко заботы пустые тревожат,
Где жизнь нам швыряет вопросы к ногам.

Куда не беги — ты повсюду с собою,
И как не меняй верстовые столбы,
Какою бы даль не была голубою —
Ты всё ж неизменен под небом любим.

Поездку к себе не купить по билету,
Свой путь не отмерить на сетке дорог,
С тревогой в себе открывая планету,
Ты делаешь истинный шаг за порог...

* * *

Ну за что вы так Петрова?
Он ведь лучшего хотел!
Да, любил он осетровых,
Да, от «Чайфа» фанател,
Да, перебирал он пива,
И, болея за «Спартак»,
Не всегда себя красиво
Вёл среди других зевак.
Ну зачем вы так с Петровым? —
Он теперь и сам не свой:
Измождённый и суровый
Он проводит выходной
На пробежках и в бассейне,
А потом бредёт в музей,
Отказав себе в портвейне,
Позабыв былых друзей.
Ходит хмурый и здоровый,
Жрёт салат под смех коллег...
Ну зачем вы так с Петровым?
Был же счастлив человек!

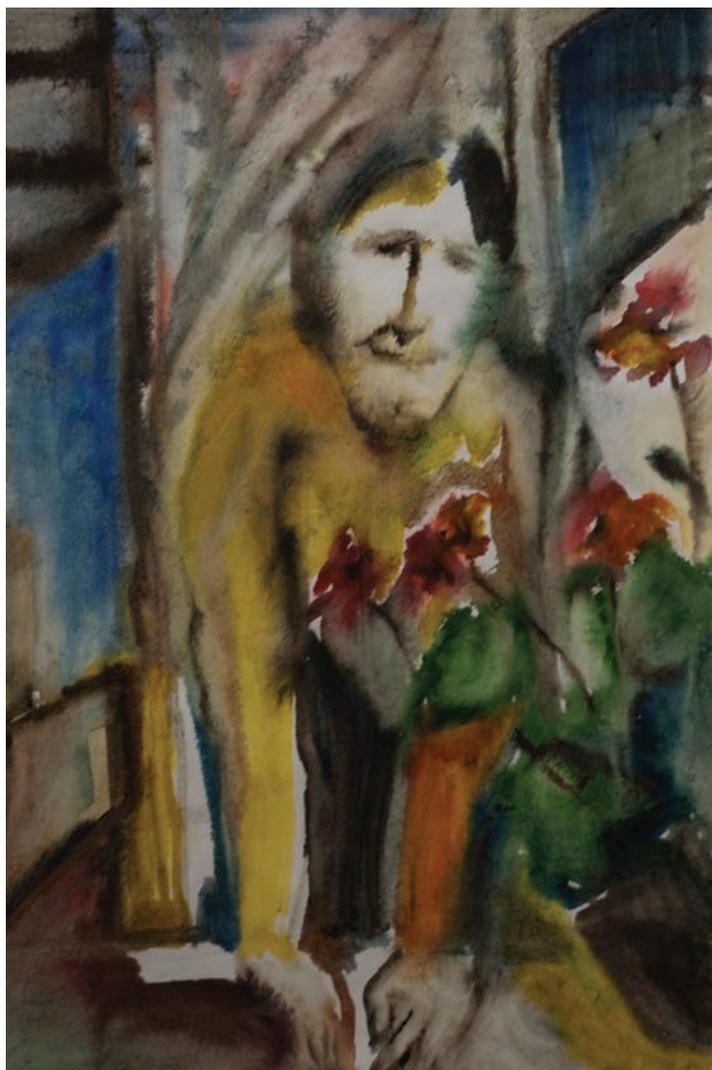

У окна

Душно. Хочется грозы:
Чтобы дождь стоял стеною,
И чтоб ты стоял со мною
У окна, как в те разы...

Но сегодня за стеклом
Только снег, туман, да слякоть.
Я велю себе не плакать,
И не думать о былом.

Что в том проку, что давно
Было счастьем беспредельным?
Лучше — прекратить безделье
И пойти, помыть окно.

* * *

Бравый марш летит под крыши,
Искры бьют из-под подков.
Мы с тобою — выше, выше
Марша, крыш и облаков.
А внизу — хлопчут флаги
На порывистом ветру.
Мы с тобою — бедолаги,
Нам парад не по нутру:
Нам слышны иные ноты,
Из совсем других миров,
Там используют банкноты,
Как бумагу для костров.
Там совсем иные ритмы
Выбивает барабан,
И дождем метеоритным
Чертят звёзды по губам,
Там никто не ходит в ногу,
Только дышат в унисон...
...Марши гложут понемногу,
Демонстрантов клонит в сон,
И бредут они, колышась,
Между флагов, и коней...
А у нас — пружинит крыша,
И луна висит над ней.

* * *

Устаём. И из рук ускользают стальные поводья.
И несёмся, ругаясь, под горку, по кочкам — вразнос,
И фонтанами гнева пульсирует в нас половодье
Всех, годами накопленных, болей, обманов и слёз.

И когда я кричу: «Вывози, куда хочешь кривая!»
И когда я мечусь, выпуская себя из узды,
И с безумным упорством себя об тебя разбиваю —
Ты стоишь как скала. Как пришелец с далёкой звезды.

Разлетается звон от разбитых телесных кусочков,
Разлетается пыль, и становится горькой пылью.
Ты вбираешь меня — болевую единую точкой,
И читаешь стихи, с характерной своей хрипотцой...

* * *

Луч заката тянет руки
И сникает, ослабев...
Время ужина и скуки
Для детей и старых дев.
Время выгула собачек,
Перебора новостей,
Утешающих подачек
От непрошенных гостей...
Ночь заглывает чёрным
Мертвенным бездонным ртом,
И уводит нас покорно
На заклание гуртом.
Мы тела свои вверяем
Режиссёрам странных снов,
И уже не выверяем
Правила дневных основ...
Всё заглушено, закрыто,
Подготовлено для сна,
В небе — лунное корыто,
По земле — скользит весна...

* * *

Мысль, прострелившая сознание,
Отрикошетила в мигрень
И в ней увязла. Состоянье
Разбитой вазы. Тяжкий день
Свинцовым пластырем ложится
На плечи, мысли, кисти рук,
И давит, давит, длится, длится,
Как падающей бомбы звук,
Что сбросил ангел провиденья,
В отместку за нескладность строк.
И ни конца нет, ни прощенья.
И долог день. И вечен срок...

* * *

Снова дождь. Но весёлый, весенний —
Не чета тем осенним дождям,
Проливает на землю спасенье,
Отмывает асфальт площадям,
Проникает сквозь спящие травы
К задремавшим под зиму цветам,
Раскрывает бутонов оправы,
Гладит веточки голым кустам.
И под дробь этих капельных гимнов,
Где Весну называют вождём,
Выхожу! И лицо запрокинув,
Отмываюсь весенним дождём.

* * *

Вряд ли что-то останется
После нас по весне...
Выпьет рюмочку пьяница
На подсохшем холме,
Свистнет птица на маковке
Колокольни вдали,
Жизни чёткими знаками
Проплывут журавли...
У плетня окосевшего
Чуть забрезжит трава,
И из снега осевшего
Вдруг проступят слова:
«Мы здесь жили, вы помните? —
Мы ходили меж вас,
В этой маленькой комнате
Свет подолгу не гас,
Здесь шумели и спорили,
И звенели стеклом,
И на радостях, в горе ли —
Грел гостей этот дом.»
Но кончаются праздники,
И уходит кураж...
Осень, всё безобразнее,
Искажает пейзаж,
И тепло надышалое
По щелям растеклось...
Счастье горькое, шалое,
Первой вьюгой зашлось,
И затихло — завалено
В зимнем тягостном сне...
Лишь слова на проталине
Прорастут по весне...

* * *

Посади меня в поезд на запад,
Напиши мне письмо на восток,
И останься, как ландыша запах,
Между слов, между нот, между строк.
Покачнётся вагон... На конечной,
Проводнице сдавая бельё,
Запах ландыша — капель сердечных
Про письмо мне напомнит твоё.
Поезд лягнет змеёю зелёной,
Город воздухом встретит тугим —
И везде на углах почтальоны
Продают твои письма другим.
Наваждение или проклятье —
Обрываю из прошлого след!

И чужие, при встрече, объятья.
И в подарок — жемчужный букет...

* * *

Спи. Пускай тебе приснится
Дивный город в час заката,
Золотая колесница
По нему скользит куда-то,
Перламутровые птицы,
Дивной проплывают стаей,
Тянут-тянут колесницу,
В жар закатный улетаю...
Ни кнута нет, ни возницы,
Только музыка волнами
От волшебной колесницы,
Проплывающей над нами...
...Клеит сладко сон ресницы,
Ты с улыбкой засыпаешь..
Пассажиром колесницы
Улетаешь, улетаешь...
Спи...

* * *

К чему гадать — зачем и как
Перемещаются планеты,
Когда вокруг — такое лето,
И в каждой ветке — жизни знак
Колышется листвой зелёной,
Перебегает пеньем птиц,
И мир, отмытый, обновлённый
Глядит на солнце меж ресниц
Подросших трав. А мы всё ищем
Бегущих дней сакральный смысл,
Где в душном городском жилище
О стены гулко бьётся мысль,
Как мячик в бешеном пинг-понге...
...А лето льётся за окном,
И книжка в стареньком шезлонге,
На пледе с солнечным пятном,
Потянет нить воображенья,
Закружит строчек карусель...
И тело, сбросив напряжение,
Вольётся в солнечный кисель...

* * *

В запретных странах стонет ветер...
В забытых кружках стынет чай...
Вдвоём. Одни на белом свете.
Не спрашивай. Не отвечай.

Молчаньем хорошо делиться
На обжигающем ветру,
И подставлять под солнце лица,
И продолжать свою игру
На клавишах теней и бликов,
Выстукивая сердцем такт,
В закатных чашах медных ликов
Варить божественный экстракт
Из колыхания травинок,
Из колебания струны,
Их разводить наполовину
Кристалльной влагой тишины,
И остывать вдвоём под ветром,
И перекаати-полем стать,
И пальцами, по миллиметру,
Друг в друга намертво вращать...

* * *

Вот дом. Крыльцо. И одуванчик,
Проросший между кирпичей.
В сенях — продавленный диванчик
Грустит, заброшенный, ничей,
С торчащей из него пружиной.
И кукла с треснувшим лицом.
Когда-то здесь счастливо жили,
Сидели с чаем и винцом,
Украдкой ночью целовались,
Предательски скрипел диван,
И думали тогда едва ли,
Что дней счастливых караван
Уйдёт в неведомые дали,
В бурьян, в сплетение корней...
Чтоб мы, наткнувшись, увидали
Мираж чужих счастливых дней...

* * *

Поищи мне новое место под солнцем!
Поищи, — оно обязательно будет —
Может знойным, а может трескуче-морозным,
Но запомни — лишь обязательно новым,
Не таким, как наш протёртый и прелый
Уголок, в лохмотьях древних обоев,
Не таким, как двор, с истоптанной пылью,
В отпечатках ног ежедневного тракта.
Без туннелей, без глазков светофоров,
Без разметки стен, без железных планов.
Поищи мне новое место под солнцем!
Поищи, — оно обязательно будет!

* * *

Какие-то странные люди
Приходят сюда после смерти,
И ищут забытые письма,
И ищут следы на конвертах.
Следы облетевших свиданий
Пыльцою с истрёпанных крыльев,
Отметины старых порезов,
Саднящие солью морскою...
Морскою? Да нет, это слёзы,
Расплывшись ползут по чернилам,
И тают горячие буквы
На жёлтой пожухлой бумаге.
И люди — не люди, а тени,
Светают, бледнеют, уходят,
В рассеянной утренней дымке,
Оставив на память вопросы,
Которым не нужно ответов,
Достаточно запаха мяты
И высушенной вербы в стакане,
Подкрашенной кистью рассвета...

* * *

Улыбнись мне на прощанье,
Песню старую пропой...
Ни к чему мне обещанья —
Только воля и покой.

Отпущу, махну рукою,
Ни колечка, ни гроша —
Только воли и покоя
Нынче требует душа.

У окна в тиши присяду,
Прислонюсь к стеклу щекой,
И медовым сладким ядом
Выпью волю и покой...

Зарождение

Миры качаются в ладонях,
Чуть выдыхая тихий звон,
И время их по пальцам гонит,
И в плоть втекает этот гон,
И распадаясь на частицы,
Перерождается внутри
В тот звёздный свет, что заискрится,
Перетекая в свет зари...
В волчке сплетаются великом
Жгуты материй и души,
Чтоб стать однажды чьим-то ликом,
Меж звёзд, затерянных в глуши...

Девушке, сломавшей каблук

...Так, девушка, сломав каблук,
И на бегу прервав паренье,
Вдруг замечает мир вокруг,
Остановившись в изумлени...
А мир — без стука каблучков,
Без лязганья автомобилей,
Трамвайных рельсовых толчков —
Вдруг разом мир — остановили!
Лишь на мгновенье всё застыло,
Как будто выключили звук,
Но вот — прохожие поплыли,
Возобновился гам и стук,
И дева, средь водоворота
Средь кутерьмы и ворожбы,
Так ждёт отчаянно кого-то,
Зажав в руке каблук судьбы...

Наважденье

Ела-пила-спала.
Бегала по делам.
Жизнь как-то мимо шла,
Ела-пила-спала.
Остановилась вдруг:
Что это там за стук?
Что за тревожный бой?
Милая, что с тобой?
Сердце моё стучит,
Гулко звенит в ночи,
Кружится голова,
Что за дурман-трава?
Запахи от ручья,
Лодка стоит ничья,
Тянет луна к воде,
Вёсла, скажите, где?
С кем я, куда плыву?
Я уже наплаву,
На берега гляжу,
Взгляда не отвожу.
Тихо журчит вода,
Лодку несёт, куда?
Вдаль от знакомых мест,
В небо, за Южный крест...
Только не обернись!
...Кто-то кричит «Проснись!»

Ела-пила-спала.
Бегала по делам...

* * *

Я разложу тебе пасьянс
Из звёздных карт и дальних странствий,
Пускай шторма непостоянства
Плотней сплетают наш альянс...
Я разложу тебе постель
Под сенью крыш, комет и меха,
Чтоб ты когда-нибудь приехал,
И лёг, закутавшись в метель...
Я разложу тебе себя,
На миллион частиц и клеток,
Ты утром в них подбросишь веток
И чиркнешь спичкой, уходя...

Украшения

Я когда-то носила браслеты
И тяжелые гроздья серёг,
Даже был медальон с амулетом
(Правда, он от потерь не сберёг),
Кольца с синим морским перламутром
В чаше матового серебра —
Словно облако в небе под утро,
Что растает за миг до утра...
Я меняла кулоны и платья,
И, смеясь, расставалась легко,
Если в чьих-то горячих объятьях
Ускользало кольцо далеко...
...Я когда-то звенела-шумела,
Прыскал гранями солнца металл,
А потом... Всё сняла. Потускнела.
Мир суровым и пасмурным стал.
Эти пальцы забыли о кольцах,
Звон сережек не слышен давно,
И браслет в бубенцах-колокольцах
Опустился в шкатулке на дно.
Ни к чему, видно, мне украшения,
Разучилась я этой игре.
Разве можно найти утешенье
В этой женской смешной мишуре?
Размышляя о вечном и мудром
Разбираю запасы добра.
Надеваю кольцо с перламутром...
Вспышка! — Море. За миг до утра...

* * *

Странная птица тоскливо кричит
Сквозь нескончаемый ливень в ночи...
И прорастает тревога сквозь тьму:
Птица незримая, крик твой — кому?
За перелеском из чёрной парчи,
Дух неприкаянный птицей кричит —
Там размываются зло и добро,
Там отливает луною перо,
Мокрые ветки под ливнем шуршат —
В клюве у птицы добыча — душа...

* * *

Нарисуй мне барашка,
Или розу в горшке,
Чтобы сразу — мурашки
По спине, по руке...
Чтобы давнее детство
Вдруг меня обняло,
Чтобы мы по соседству
Улеглись под крылом,
Чтобы куртка из кожи,
Заменяла мне плед...
Я скажу — невозможно,
Ведь прошло столько лет!
Ты замкнёшь губы пальцем —
Не буди тишину,
И под сказку скитальца
Я с улыбкой усну...
Поутру, от ромашек
Нет спасенья нигде...
...Грустно бродит барашек
На далёкой звезде...

* * *

Затихает московский улей,
Жёлтым светом сочась из сот,
Опускается ночь июля
С звёздно-шпильных крутых высот,
Закрывают метро, и в парки
Уезжает трамваев ряд,
Лишь блестящие иномарки
На огни кабаков летят.
Фонари пробивают кроны
Чёрным кружевом на бульвар,
Сонно каркают вслед вороны
Силуэтам бредущих пар...
В чёрном зеркале дробно, косо,
Отражает огни вода,
Лебединые два вопроса
Встали в дрейф посреди пруда...
Прячет ночь от меня ответы
В синем бархатном рукаве,
И ищущу я их до рассвета
По любимой моей Москве...

* * *

Не надо за меня переживать —
Я за себя сама переживу.
Заправлю утром тщательно кровать,
Почищу зубы, проглочу жратву,
Перерешаю важные дела,
Приму гостей, потом отмою дом,
Перестираю горы барахла,
И переглажу тщательно потом,
Намечу список на грядущий день,
Присяду на минуту у окна...
Нет-нет, недопустима лень,
Способствует рефлексиям она.
Не замирать, не уходить в мечты!
Работать, преодолевать,
Сажать цветы, пропалывать кусты,
Рвать руки в кровь, про душу забывать,
Тянуть внутри до звона тетиву,
Не опасаясь в миг её порвать...
Я за себя сама переживу —
Не надо за меня переживать!

* * *

Блаженно состояние бездумья...
В нём отдыхают тело и душа,
Нет, ни магнитных бурь, ни новолунья,
И жизнь проста (и этим хороша),
Назойливо не ноет подсознание,
И чувство долга утомлённо спит...
Бездумия прекрасно состоянье!
Когда оно минутно посетит...

Анти-прятки

Раз-два-три-четыре-пять!
Не идёт никто искать —
Все давно сидят по норкам,
Греют попами кровать.

Раз-два-три-четыре-шесть!
Здесь — ни выпить, ни поесть,
Только грустно потоптаться,
Раз уж некуда присесть...

Раз-два-три-четыре-семь!
Потерялись мы совсем —
Каждый сам себя запрятал,
Убежал от солнца в тень...

Семь-четыре-три-два-раз!
Ну-ка, бросьте свой матрас
И зажгите в небе солнце
Блеском ваших ярких глаз!

Шесть-четыре-три-два-раз!
Оказалось — много нас,
Потерявшихся, пропавших,
Всех мастей, профессий, рас —

Все собрались в этот час.
Свет включился, свет погас...
Мы играем в анти-прятки,
Пять-четыре-три-два-раз!

(Кто не спрятался — я не виновата!)

* * *

Жара спадает. День идёт на убыль,
Изнемогая в гари, ветер стих.
Горят жарой растресканные губы,
Устав от поцелуев солнца злых.
Вплываю в вечер, как в кисель закатный,
И плавится над сникшею травой
То ль воздух, то ли дальний гром раскатный,
То ль мошкарино-комариный рой...
Почти застыл ручей под вязкой тиной,
Оцепененье заплетает дом,
Волшебною, недоброй паутиной
Колдует август над моим гнездом.
Но, вот уже ушёл за гребень сосен
Кроваво-красный, раскалённый диск.
Он больше для меня не смертоносен,
Прощальный луч горит как обелиск!
Спасительная ночь рассыплет звёзды,
Чтоб было что считать в ночном саду,
Упав в траву. И ждать, пока не поздно,
Заветную падучую звезду...

* * *

Высыхают листья, засыхают лица,
И в окно стучится жгут сухой лозы,
Если отчего-то душно и не спится,
Если что-то давит — значит жди грозы.
Значит будут ночью молнии и блики,
И прозрачной лапой глядя по стеклу,
Уничтожит ливень память и улики,
И из сердца вынет ржавую иглу...

Ночные прогулки

Цветы. Тепло. Гирлянды в парке,
Черёд скамеек вдоль прудов,
Беляш сомнительной обжарки,
И сизый след речных судов,
Несущих гордо-деловито
Рога мерцающих огней
По глади жидкого графита,
Из царства света — в мир теней.
Болтаем, стоя у ограды,
О чём? Я, право, не слежу
За мудростью твоей тирады...
Я пальцем по руке вожу,
И думаю: огни и зданья,
Кафе, витрины и мосты,
Огромный город, Мирозданье,
А посредине — я и ты.
Мы — эпицентр водоворота,
Звеним и дышим в унисон...
...Но закрываются ворота,
Охрана просит выйти вон.
Сереет небо над проспектом,
Знакомый впереди подъезд,
Ты снова блещешь интеллектом,
Я — возвращаюсь под арест
Привычного дневного круга,
Чтобы опять себя корить:
Ну почему же друг про друга
Нам не дано поговорить?

* * *

Поспи... Пускай тебе приснится
Далёкий берег в час заката,
И розовеющие птицы
Под грома дальнего раскаты,
Песок шуршащий, белоснежный,
Текущий в пальцах невесомо,
И шёпот ласковый и нежный,
Из слов тягучих, незнакомых...
Поспи... Пусть новый сон нахлынет,
Сквозь ставни пробивая лучик,
И на столе краюха стынет,
И на шнурке на шее ключик
Упёрся в тонкую ключицу,
А руки — сини от черники,
А луч скользит по половице,
А на стене — от вазы блики,
И голос давний и знакомый
Зовёт — куда? — Нет, не расслышать...
Ты, этим голосом влекомый,
Шагнёшь... Проснёшься... Ночь колышет
У изголовья занавески,
Напоминая отчего-то,
Фату украденной невесты,
Не проявившейся на фото...
Поспи... Пускай моря и реки
Текут беззвучно над тобою,
Неспешно остужая веки,
Забвенье путая с судьбою,
Мешая вымысел и память,
Смывая нажитое бремя,
Затягивая в сон, как в замять...
Поспи, пока ещё есть время...

* * *

...Но лучшее, что я могу сказать — молчание...
Не крики, не стенанья от отчаянья,
Не твёрдости гранитной обещания, —
Молчание...
Неторопливых сумерек встречу,
Под музыку, закрыв глаза качание,
Кота утробно-сытое урчание, —
Молчание...
Я вслушиваюсь в тихое звучание
Текущее с небес без окончания,
И растворяюсь каплей в Мироздании, —
В молчании...

* * *

Ещё не выключили солнце
Над пёстрой пляжной полосой,
Ещё не выпита до донца
Истома лени босой,
Ещё не смолкли птичьи крики
И ждёт вступленья хор цикад,
И волн мерцающие блики
Ещё купальщиков слепят,
Но день уже идёт к развязке,
Сдавая вечеру права...
Закат прологом дивной сказки
Свои раскинул рукава,
Из них появятся созвездья
И серебристый серп луны...
И станет Ночь. Момент возмездья.
Час отдыха. Век тишины.

Тень

Задан темп, но не хватает сил,
Времени и воздуха для вдоха,
Помню всё — о чём и кто просил,
Лишь пообещавших помню плохо...
Бьюсь в своей разбитой колее:
Звон кастрюль, звонки на телефоне,
Звон в ушах, звенящий гул в траве,
Звон от взрыва лампочки в плафоне...
Перенапряжение звенит —
Каждое движенье через силу.
Солнце злое выбралось в зенит —
Бьёт в глаза звенящее светило.
Нескончаем зной, и звон, и день,
Мир вокруг плывёт круговоротом...
Я ищу спасительную тень,
Тень сидит в углу в пол-оборота,
И глядит куда-то мимо нот,
В точку, где надрыв уходит в жалость,
Скорбную усмешкой скомкан рот,
И сползает по плечу усталость...
Выплеснуть из павленного дня,
И сольюсь в одно с печальной тенью.
Стихнет звон. И только тень меня
Ляжет на уснувшие растенья...

* * *

В пятницу город мелеет —
К дачам уходит отлив,
Вслед уезжающим тлеет
Неба закатный разлив...

Тихо, прозрачно и гулко —
Дно обнажили дворы,
В руслах пустых переулков
Я собираю дары:

Капли на мраморных лапах,
Ягод рябиновых гроздь,
Чей-то оброненный запах,
Чью-то забытую трость,

Россыпь фонарных жемчужин
Манит в бульвары меня...
Город — отмыт, наутюжен,
И до прилива — два дня...

* * *

Хочется — старую-старую дачу,
Чтобы с верандой, и чтобы в лесу,
Чтобы чертил звездопад на удачу,
Чтобы травинка свербела в носу...

Хочется — шумно-грохочущей гальки,
Чтобы плескала волна в парапет,
И пароходик — далёкий и жалкий
Резал в воде исчезающий след...

Хочется — от кислорода похмелья
И колокольчиков сонных коров,
Чтобы дорога петляла в ущельях
Меж водопадов, шале, флюгеров..

Хочется — спилей и старой брусчатки,
И фонарей на бульварах ночных,
Чтоб непременно — вуаль и перчатки,
В сумке — орехов для белок ручных...

Хочется взять и разбиться на части —
Как отражению в старом трюмо,
Хочется счастья! Так хочется счастья...
Чтобы оно отыскалось. Само...

* * *

Банджо — в руки, ветер — в спину,
И дорогу в горизонт:
На плечо мешок закину,
Выброшу подальше зонт,
И, насвистывая песню,
Трону пятками коня,
Если в памяти воскресну —
Поминай, как звать меня!
Вспоминай не злобным словом,
А украдкой со смешком:
Не серьёзным иль суровым,
А с цветком за ремешком.
Тот цветок ты, может, будешь
В тайнике своём хранить...
Вспоминай! А коль забудешь —
Значит некого винить:
Значит будет вновь дорога
Мне подругой и женой,
Значит где-то недотрога
Встречи ждёт ещё со мной.
Взгляд прощальный быстро кину,
Трону поводом коня...
Банджо — в руки, ветер — в спину,
Поминай, как звать меня...

* * *

А лето у нас бесплотное —
Урывками, перебежками,
Неделю — носить короткое,
Наряды менять со спешкою,
А после — в зонтах привычное,
В одеждах грибных-корзинowych,
В пальто, если поприличнее,
В плащах, в сапогах резиновых,
Неяркое, безыскусное,
Без страсти и без смирения,
Летит наше лето русское
В кукушкином оперении...

* * *

...И вот, мы сидим на туче
И моем дождями пятки,
А снизу — поля, дороги,
Зеркальных озёр осколки...
Мы в них посылаем искры
Летучих, трескучих молний,
И весело вслед смеёмся
Раскатами громовыми...
А где-то внизу — по лужам
Бегут под грозой мальчишки,
Грибы расправляют шляпы,
И пахнет листва озоном,
А мы выжимаем тучу,
Чтоб солнцу подставить землю,
Где вымыты чисто окна,
Дороги, луга и воздух...
Потом побежим вприпрыжку
По облачной вдаль дороге,
Чтоб съехать за горизонтом
По радужной тонкой ленте...
Рассеются звёздной пылью
Частицы улыбок наших,
Чтоб с первым лучом рассвета
Росой на траве воскреснуть...

* * *

Уехать в Питер! Хоть на сутки!
Бродить под тянущим дождём,
Смотреть, как спят в каналах утки,
Как город, вял и измождён,
Отходит к утренней нирване,
Туристов поздних проводив.
Дремать на плюшевом диване,
Остывший кофе не допив,
Клониться головой к рассвету...
И, вздрогнув, растереть виски:
Я здесь. Я никуда не еду,
Москвой зажата в тиски.

* * *

Послушай, но это же просто игра в слова!
В сплетение букв, вязание странных знаков...
Я знаю, от этого кружится голова,
Плывёт, словно в поле сонливых, коварных маков,
Как будто колышутся травы на дне ручья
Гипнозным сном повторяя в своих движениях:
«Ничья ты, запомни, ты — пишущая — ничья
С затёртым, как этот камень, воображеньем,
Несущимся словно струи воды в камнях,
Неведом их путь и неясно их назначенье.
Ничья ты, запомни, ты — пишущая — ничья
С затёртым, как этот камень, воображеньем...»
И я соглашаюсь, качаю им головой,
И веточкой ивы в воде оставляю строки,
Играю в слова, переписываюсь с травой,
И тонут в ручье незаписанных слов потоки,
И буквенной рябью рисуют на дне следы,
На пёструю гальку под солнцем они похожи.
...Лежат мои строки в кристальном ларце воды,
Где их, размывая на знаки, забвенью гложет...

* * *

Бежит, бежит вода по пальцам,
Свистит, свистит на ветке дрозд...
Здесь — передышка для скитальца:
Ручей, малиновая гроздь,
Из мха душистая подушка,
Ракит спасительная тень,
И где-то вдалеке — кукушка,
...И счастье — длительностью в день...

* * *

У обрыва на краю
Я задумчиво стою...
Извините, божьи птицы —
Нынче я не подаю...

Были-сплыли времена —
Птицей я была сама
А теперь ищу зачем-то
Жемчуга среди дерьма...

Кружат ласточки вокруг,
Благодать стоит округ,
Только я не разбираю —
Кто мне враг, а кто мне друг...

Ветра прилетит порыв,
Сердце хлопнет на разрыв,
Я качнусь туда-обратно —
Ах, влечёт, манит обрыв!

У обрыва на краю,
Я судьбу свою крою,
И не вижу перспективы
Ни в аду и ни в раю...

* * *

Две жизни: под уютным абажуром
И в небе — под кабинным фонарём,
А между ними — цирковым аллюром
Мы день за днем барьерами берём,
Чтоб доскакать до вожденной цели,
Упасть в кабину, пристегнуть ремни,
И унести в небесной карусели,
От беготни, брехни и болтовни...
Обманно безграничие полёта —
Всегда конечна у маршрута нить,
Но есть уединение пилота,
Которое ничем не заменить.
В трёхмерную иллюзию свободы
Вплетаются небесные часы,
Которые перетекают в годы
Под знаком вечной взлётной полосы...

* * *

...И вновь измученное слово
Пластом ложится на бумагу,
Обрывочно и бестолково,
Как земляника по оврагу,
Как кадры странной киноленты
Моих больных воспоминаний —
Звонки, касания, моменты
Случайных встреч и расставаний,
Пунктиры взглядов, оговорок,
Дробь колокольчиков лиловых...
...Не поддаётся этот морок
Фиксации посредством слова.

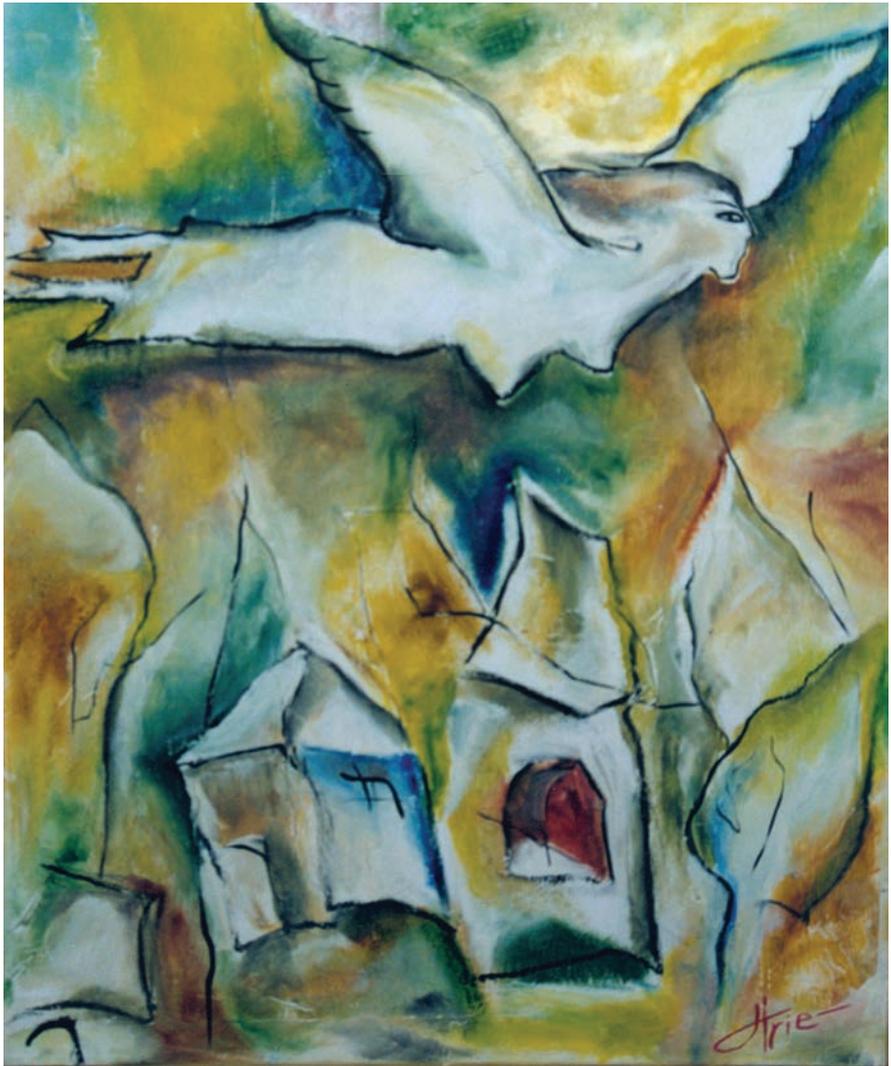
* * *

Намечтай мне дальних странствий,
Шорох ветра по песку,
Намечтай растений странных
Гибкой веткой по виску,

Наколдуй мелодий ломких,
Под серебряной луной,
Из сосуда с шеей тонкой —
Влаги пряной и хмельной,

Нежно-розового пуха
От рассветных птичьих стай,
Шум из раковины в ухо,
Наколдуй мне, намечтай!

Подари мне руки-крылья,
Чтоб, устав от суеты,
Разнеслась я звёздной пылью
По стране твоей мечты...

* * *

...И больше нет тех пустырей,
Где — ни души на километры,
Где стелется ковыль под ветром,
Где от крапивных волдырей,
Зудели руки и коленки,
И солнце щурило глаза,
Иплыли синевы оттенки:
Джинсовый, сизый, бирюза,
А снизу — бело-золотая
Перина выжженной травы...
И два худых шалтай-болтая
Средь золота и синевы...

* * *

Обветренны и смуглы —
Мы вызов бросаем птицам,
Критические углы
Для нас задают границы.
А мы, чтобы выйти — за,
Ломаем их хрупким телом,
Чтоб сквозь темноту в глазах
Узнать, что за тем пределом?
Телесный ложится вес
На душу свинцовым грузом.
Пульсирует жар небес,
Сжигая земные узы.
И рвёмся наотмашь, влёт —
Над грунтом и над бетоном!
...И чей-то последний взлёт
Становится чьим-то стоном...

Полёт парой

Мелькнуло по соседству
Знакомое крыло,
И стало в миг на сердце
Спокойно и тепло:
Теперь не одинока
Я в небе с Янтарём:
Мы вместе центр потока
Покруче подберём.
Я помашу рукою,
И ты махнешь в ответ,
Привычно нам с тобою,
Лететь сквозь дымку лет.
Знать, что второй — не бросит,
А первый — подождёт...
Нас ветер вдаль уносит,
И длится наш полёт.

* * *

Жара... По мареву текут
Цветов и запахов оттенки,
Гречихи розовые пенки
На полевой легли лоскут...
Всё тянется за горизонт —
И облака, и гул пчелиный...
Шум поезда далёкий, длинный,
Плывущий в лодке белый зонт —
Всё размывается, дрожит,
Дробится на штрихи и пятна,
Малиновый, черничный, мятный —
Колдует лето, ворожит...
Манит пленительный коктейль
Из пряных трав и нот заката,
И мы согласны на расплату,
И на похмельную метель.

Геленджикские воспоминания

Развалины былых империй
Из ковыля на нас глядят,
А рядом — пляжный кафетерий,
Компании с вином сидят,
И море — вечно, равнодушно,
Ритмично плещет по камням,
И пахнет шашлыком, и душно,
Крик зазывал по пристаням
На краткосрочные прогулки
За горизонт, за край земли...
И чайки с утками за булки
Воюют у воды вдали...
И нет ни воли, ни покоя,
Повсюду — суета и гам,
И лишь соцветья зверобоя
Среди камней по берегам...

* * *

Уплывает моё сердце
В мандариновый закат,
Сверху пеплом или перцем
Ляжет ночь под крик цикад,
Обмакнётся в шорох звёздный
Край изрезанной души...
День промолвит — «слишком поздно»,
Ночь ответит — «не спеши —
Выпей пряную отраву
Долгим ледяным глотком,
На забвенье, на расправу
Отпусти себя легко...»
...Я подвешена на нити
Меж миров, времён, стихий.
И плывёт луна в зените,
Осыпая мне стихи...

* * *

Выбелен домик у моря,
Солнцем, ветрами и солью,
Нет в нём нарядных излишеств —
Лишь виноградные плети,
Окна от зноя прикрыли,
Свили гнездо над террасой,
Где колченогие стулья
Старенький стол окружают...
Сядем, нальём из кувшина
То ли вина, то ли сока,
То ли гранатовой крови —
Каплю оставим в стакане,
И помолчим. Ибо слово
Здесь неуместно и пусто —
В домике белом у моря...
В домике белом у моря...

* * *

Стёрта пеною строка
На странице из песка...
Я ракушки собираю
У подножья маяка...

Волны дышат в такт шагам,
И прилип подол к ногам,
«Я-на-море, я-на-море» —
Выдыхаю по слогам...

Отгорожена скалой,
От усталости былой,
Я сажусь на мокрый камень,
Под солёной влажной мглой...

Малахит и бирюза...
Ветром вытерта слеза,
От простора и покоя
Закрываются глаза,

Разжимается рука,
И на зёрнышки песка
Высыпаются ракушки
У подножья маяка...

* * *

Проходит день, приходит ночь,
Луна качается устало,
И бьются лодки у причала,
Как в прошлые года — точь-в-точь.

Проходит ночь, приходит день,
Наждак дерёт с похмелья в глотке,
А у причала — бьются лодки
И уползает в скалы тень...

Приходит срок, и навсегда
Друг с другом люди расстаются,
А лодки у причалов бьются,
И стук несётся сквозь года...

* * *

Влажно. Душно. Лето. Лето.
Передышка до рассвета,
Пересадка между снами,
Тьма меж четырьмя стенами,
Пульс меж влажными висками,
Сердце сдавлено тисками
Где-то в глубине скелета...
Влажно. Душно. Лето. Лето.

Влажно. Душно. Лето. Лето.
Ни вопроса, ни ответа,
Зачаровано шаманством —
Обездвижено пространство,
Вдох и выдох цепенеют,
Руки плаваются, немеют,
И в крови звучит куплетом:
Влажно. Душно. Лето. Лето.

Влажно. Душно. Лето. Лето.
Зной накладывает вето
На движение тела, мысли,
Облака — и те зависли,
Губы, ссохшись, ищут влагу...
Луч рассветный вынул шпагу,
Новый день пронзая светом!
Влажно. Душно. Лето. Лето.

* * *

Ты линию проводишь на песке...
Не заступить, не перейти границы,
И тень на эту линию ложится,
И болью отражается в виске.

Но ветер гонит струйками песок
И сглаживает линию запрета,
Пунктирная теперь граница эта,
И сквозь неё — лучи наискосок.

Волна пунктир слизнула не спеша,
И вот уже — ни линий, ни запретов,
И только море. Ты и я. И лето...
И треск под ветром стеблей камыша...

* * *

Со звоном падает монета,
С печалью падает рука...
Надежда только на примету —
Вернусь, быть может... А пока...
Пейзаж запечатлён на фото,
Приступим к смене панорам.
...И ждут привычные заботы,
И жгут закат по вечерам,
И затихает гул планеты,
И звёзды дышат в унисон...
И звон монеты, звон монеты
Меня преследует сквозь сон.

* * *

На выдохе чёрное небо
Становится алым восходом,
Бледнеют румянец и звёзды,
Туманятся взгляд и овраги,
И тело плывёт, словно лодка,
Отдавшись на волю течения
Реки, под названием — время,
Сквозь всполохи стрелки секундной...
Теряется берег вчерашний
За сонной завесой сознания,
Вдали, за чертой горизонта,
Обещано смутное завтра...
На лодочном дне так спокойно,
Так дышится тихо и ровно,
Что слышно как солнце восходит
Сквозь воду, сквозь поле, сквозь воздух...
И тихо качается лодка
В моём параллельном пространстве,
И днище её обрастает
Налётом по имени Время...

* * *

Что ты будешь делать, когда я усну?
Может, станешь ночью пить тишину?
Может, выйдешь и оставишь одну?
Или отойдешь устало ко сну?

Что ты будешь делать, когда я уйду?
Может быть, закуришь, сидя в саду?
Может, кинешь в виски битого льду?
Или загадаешь в небе звезду?

Что ты будешь делать, когда я умру?
Может, будешь кофе пить по утрам?
Может, будешь песни петь на ветру?
Или тоже бросишь эту игру?

Так вопросы жмут, друг друга тесня —
Что ты будешь делать сам, без меня?

* * *

Тихий звон браслетов,
Мягкий плеск воды...
Ты любила лето
В капельках слюды,
В синих колокольцах,
С шёлковой травой...
У тебя и кольца
Были с синевой,
И глаза, и жилки
На запястьях рук,
Как легко мы жили!
Отчего же вдруг
Оборвалось лето,
Криком птиц в ночи?..
Только звон браслетов
В памяти звучит...

* * *

Корабль плывёт. Мы смотрим вслед,
Воссев верхом на парашете,
Мы — солнца и прибоя дети,
Нам горя нет, и смерти нет...

Корабль плывёт. Мы смотрим вдаль,
Где море сходится с землёю,
И пенной белою змеёю,
Прибой смывает с ног печаль...

Корабль плывёт. Уходит год,
Прожитый сладостно-беспечно,
И бьёт волна рефреном вечным,
Корабль плывёт. Корабль плывёт...

* * *

Со стуком яблок опадает лето,
Туманом оседая по ночам.
И отрывая листья, как билеты,
Их выдаёт отъевшимся грачам.

Штрих-кодом чуть желтеющих прожилок
Предписаны и дата, и маршрут.
Мы их проводим. Мы здесь старожилы —
Мы сторожим холодный стук минут:

В них стук дождя, и стук ветвей по стёклам,
И чайной ложки по стакану стук,
В фонарном круге маетном и блёклом,
Раскачивается осенний звук

С минутой каждой силу набирая
И, скатерть со стола в саду сорвав,
Махнёт платком прощальным — птичьим стаям,
И спрячет слёзы в черноте канав...

* * *

Искать янтарь. И находить ответы
(Не находя ни крошки янтаря),
И провожать курлычащее лето
На Балтике эпохи сентября.

В песке поющем убаюкать память,
Брести вдоль кромки плещущей воды,
Сплетать воспоминания с мечтами,
Плести свои и чайчьи следы...

* * *

Отвези меня на Куршскую косу —
Я тебе на завтрак море принесу,
Чуть приправленное горсткой янтаря,
Чуть присыпанное пеной сентября...

Отвези меня на Куршскую косу —
Мы с тобою растворимся навесу,
Между сушею и небом, на волне,
Между будущим и прошлым, где-то — вне...

Отвези меня на Куршскую косу —
Я волне монету в жертву принесу,
Чтоб вернувшись, каждой ночью, в каждом сне
Я смотрела, как коса живёт во мне...

* * *

Москва встречает выбеленным небом
И семенящим шагом голубей,
Толкающихся шумно в луже с хлебом —
Здесь топчут в грязь того, кто послабей.
Маршрут привычен — турникет и касса,
Нырок в подземку — снова турникет.
Течёт безлико уличная масса,
Ей ни к чему мораль и этикет.
Привычно разрабатывая локти,
Отстаивают рубежи границ,
Сверкают маникюрные когти,
Стреляет жёсткий взгляд из-под ресниц...
Не звери, но издёрганные люди,
Щетинятся друг-другу как враги:
Москва не преподносит им на блюде
Мечтательных желаний пироги.
Сжирается всё личное публичным,
И гаснут от отчаянья глаза...
И над толпой гудящей безразлично
Катком небесным катится гроза...

* * *

На улице скрипит велосипед
И на углу торгуют спелой вишней,
А мы с тобой пока ещё не вышли
За рамки чисто дружеских бесед.

Гроза ещё не вызрела дождём,
Хотя уже клубится тёмно-синим.
Мы взгляд на небо только мельком кинем —
Друг друга спросим мысленно: «Пойдём?»

И никуда не двинемся, пока
Мороженое не иссякнет в чашке,
А после, в насквозь вымокших рубашках,
Вбежим в подъезд — как два смешных щенка,

И вдруг... губами тронется щека,
И поплывут — подъезд, гроза и город,
И капли влаги поползут за ворот,
И обовьётся жаркая рука...

Но нас спугнут случайные жильцы,
И мир внезапно прекратит кружение...
И мы с тобой, остановив сближение,
Страхнем частицы колдовской пылицы...

* * *

День кончен. Руки спущены в покой
Из ничегонеделанья и влаги,
Звенит точёный месяц над рекой,
Туман из леса поднимает флаги...
Мы кожа к коже сблизимся, едва
Взойдут над нами первые созвездья,
И заплетёт нам волосы трава,
Отпугивая близкое возмездье,
И тишина завяжется узлом
На наших шеях темнотой лиловой,
И станет так нелепо, и так зло
Избыточно оброненное слово...

* * *

Спать... Спать...
Ночь подступает тенями,
Напоминая влюблённым про время стыковок...
Спать... Спать...
Бродят машины огнями,
Ищут среди ночи свободные норы парковок...
Спать. Спать...
В гулком ночном переходе
Голос и скрипка и скрип башмаков — равноправны...
Спать, спать,
Сотый баран на подходе —
Час пополуночи, тикает счётчик исправно...
Спать. Спать!

* * *

Стекло запотело,
за окнами — дождь.
Гадаю несмело:
Придёшь — не придёшь,
И странные знаки
Черчу на стекле...
Вздыхают собаки,
Букет на столе...
Я в сумерках путаю
Мысли и сны,
Плутаю, плутаю
С зимы до весны,
И всё вспоминаю
Объятий тепло...
За окнами — дождь.
Запотело стекло....

* * *

В грязной луже светит солнце,
Вдалеке кричит петух,
Из раскрытого оконца
Пироговый тянет дух.
Завиваются жгутами —
Крики, запахи, плетни,
Лодки с тёмными бортами,
Ранних бакенов огни,
Опадающая роща
На высоком берегу,
Изб чернеющие мощи,
Сток на скошенном лугу,
И над всем бедламом этим,
Кто-то, сев на облака,
Смотрит вниз, как люди-дети,
Позабыв про всё на свете,
Строят замки из песка...

* * *

В полдень начнётся дождь.
В полночь придут с повесткой.
Будет причина веской —
Ты от меня уйдёшь.
Я завернусь в углу
В плед из истлевшей пряжи,
И помолчу. И даже
Линией на полу —
Лунным лучом, свяжу
Ночь, и уход, и тело...
Больно и неумело
Тронусь по этажу —
Лестница, двор, квартал,
Город, страна, планета...
Нету тебя здесь, нету —
Будто не обитал,
Не проходил, не жил,
В этом подлунном мире...
Будто в моей квартире
Ангел нас не кружил...

* * *

...И вдруг сломалась гордая спина,
И полетели тонкие осколки,
И сплетни, наговоры, кривотолки,
Порвали поводья и стремяна,
И под копыта — в грязь, меж тысяч ног,
Втоптали белый плащ и перстень с ядом...
И среди толпы, ревущей диким стадом,
Почуяв гибель, заскулил щенок...

* * *

Молчи. Ещё не село солнце
В нагромождение холмов,
И тени странных незнакомцев
Ещё не вышли из домов,
Ещё не светят ожерелья
Жемчужно-мутных фонарей,
Ещё кипит людское зелье
Вдоль автострад и галерей,
А ночь уже полунамёком
Открыла первую звезду,
Напомнив о тебе, далёком.
Молчи. Я слышу. Я приду.

* * *

Всё в этом мире относительно —
Порой случается конфуз:
Ты бьёшь по шарик у стремительно,
А шарик — мимо! Мимо луз
Летит, летит никак не ловится,
И ты кричишь «Держи! Держи!»
...А он у ног вдруг остановится
Того, кто ждал тебя всю жизнь.

* * *

Нынче пишутся стихи такие грустные,
Что не хочется бумаге отдавать.
Да и жизнь у нас с тобою — безыскусная,
И зачем теперь об этом горевать?

Чашка старая разбита, криво склеена,
Но пока что влагу тёплую хранит.
Я по юности была самонадеянна —
Коль взлетала, то уж целила — в зенит,

Если пела, то уж точно — не вполголоса,
А ругалась — разносила в пух и прах...
А теперь, как все — стригу короче волосы,
И тону в однообразных вечерах.

Вспоминаю, всё смотрю куда-то в прошлое,
На оставленные по пути мечты:
Сколько там расколотили мы хорошего,
А остались — два осколка: я, да ты...

* * *

А что это даст нам, грешным? — да ничего!
Одни лишь метанья, страдания, да долги.
Не надо нам Господи, знания Твоего,
Ты нас не учи, лучше милостью помоги.

Не шли испытаний, тяжёлых как детский плач,
Не мучай аскезой — мы только наелись всласть,
Какой же ты Господи строгий — почти палач,
И так невозможна, немыслима эта власть,

Что даже не веря, мы молимся вновь и вновь,
Влезая в долги, в невозвратный на жизнь кредит,
И путая к ближним ненависть и любовь,
Опять призываем — Господи, помоги!

* * *

Письмо от клёна сообщило — «осень...»
Я расписалась клином журавлей,
Что получила. Почтальон был снесен,
Туманом растворившись в даль полей...
А я ему с крыльца смотрела в спину,
Туда, где дотлевающий закат
Спускался, словно в пухлую перину,
В ползущие над лесом облака.
Так безысходно, тихо и нелепо,
Упало сообщенье от планет,
Что этой ночью завершилось лето,
Ещё одно — в копилку прошлых лет.

* * *

Дождь оседает в проводах...
Скрипит, качается телега,
И нет ни крова, ни ночлега,
Лишь грязь в тележных ободах...

Меж забурьяненных полей
Всё избы, избы да заборы,
Крапивы чахлые проборы,
Вокруг колодцев-журавлей...

Тоска, раздолье и покой,
Под бесконечным белым небом,
Над бесконечным белым снегом
Сереет церковь над рекой,

Где в полумраке со стены,
Глядит облупленный Мессия,
Как спит озябшая Россия,
Себе не ведая цены...

* * *

На исходе лета дышится так славно:
В воздухе — прозрачно, в голове — светло.
Думать не о самом важном или главном,
Жить сиюминутным — было и прошло...
Яблоки созвездьем желтым раскатились,
И ещё не стынет по утрам вода,
Но уже куда-то птицы спохватились,
И клубятся в небе, и кричат — «когда?»
Светофор природы всё ещё зелёный,
Но совсем недолго — и начнет желтеть.
От заката тянет чем-то опалённым,
Хочется забыться. Или улететь.

Счетоводческое

Цыплят по осени считают,
Считают снегирей зимой,
Котов — весною вычитают,
Лишь облака над головой
Без счёта тают в синей бездне
Кузнечиковым летним днём ...
Подсчёты наши бесполезны,
Мы с цифрами листок сомнём,
Швырнём, признаем в одночасье,
Что невозможно разложить
На составляющие: счастье
И жаркое желанье жить,
Не подсчитать объём и массу
Привычек, глупых и смешных,
Мечту не принести на кассу,
Не прикупить страстей шальных.
Не сходится мой дебит-кредит,
Делец неважный из меня.
Но в небе месяц тонко светит,
Мне звёздным серебром звеня...

* * *

Нагроможденье рифм и строчек —
Всё суетливей жизни бег,
Меж запятых и многоточий
Едва заметен человек —
Растерянный, неосторожный,
Забывший сердце запереть,
Настолько нежно-невозможный,
Что больно на него смотреть
И проще сразу отвернуться,
Уйти в иллюзию игры
И позабыть! Или коснуться
И полыхнуть, как от искры!
Но страха давнее проклятье
Звучит как звон колоколов.
И манит нас в свои объятия
Защитный занавес из слов.

* * *

Аннушке

Прогрохотал трамвай, пролилось масло...
А после — не случилось ничего.
Я прождала на лавочке напрасно
Придуманное в книге волшебство...

Кругом сентябрь, и солнце через кроны,
Прокручивает свой калейдоскоп,
И в золото кленовые короны
Переплавляют солнечный сироп,

Но свет лучей уже тревожно низок,
И сумерками холод на бульвар
Стекает по заляпанным карнизам
На траурно укрытый тротуар...

* * *

Боль свою не вырвешь как страницу,
Не сбежишь от раненой себя.
Будет сниться, сниться, сниться, сниться,
Ржавчиной по памяти свербя,
Силуэт. И голос. И улыбка.
И тяжёлый перстень на руке.
Всё происходящее — ошибка,
Память, утонувшая в реке,
Смутное предчувствие потери,
Жалобная песня журавля.
Невозможно снам своим не верить,
А поверить — словно горсть угля,
Всыпать в воспалённые глазницы,
Всполохами память теребя...
...Боль свою не вырвешь как страницу,
Не сбежишь от раненой себя.

* * *

Осыпается... То ли листва,
То ли золото с неба упавшее,
По случайности вдруг перепавшее,
Залетевшее к нам в рукава.

Позолочен берёзовый лес,
Купола, облака над дорогою,
Даже солнечный луч, недотрогою
Ненароком упавший с небес.

Только тучи тревожная тень
Не оставит надежд на спасение —
Позолота фальшива осенняя,
Станет ржавчиной завтрашний день...

Отгорят золотые костры,
Листья враз потемнеют, скукожатся,
Лишь маслята с сопливою кожей
Будут к людям сопливым щедры.

* * *

На рубль обещаний,
На десять копеек навара.
Рубцами прощаний,
Впечатаны эти удары —
Словами, словами,
Наотмашь, без всякой пощады,
Кричу перед вами —
«Не надо, не надо, не надо!»
Терять так легко,
Обретённое в муках доверье.
Навешу замков,
И, затихнув, усядусь под дверью...

* * *

Нет в том ни покаянья, ни прощенья,
Лишь долгий путь, что выпал по судьбе,
Лишь вечное к порогу возвращенье,
И снова бегство — от себя, к себе...
И неуживчивость под собственной кожей,
И неприкаянность, обиженность души,
И вера, что никто здесь не поможет,
Коль родилась — сама собой дыши,
Дыши, дыши, нащупывай опору,
Не поддавайся ветрам перемен,
Кати свой камень в собственную гору,
Не ожидая ничего взамен.

* * *

Унеси меня от хворей,
От досужих разговоров,
Унеси меня от горя,
От ненужных жарких споров,

Унеси туда, где скалы
Греют спины под лучами,
Где разрезаны причалом
Волны, небо, стоны чаек,

Где смывают безысходность
Брызги, солью застывая,
И заходит прямо в воду
Солнце красным караваем...

Унеси меня от хворей...

* * *

Помилуй меня, октябрь —
Сентябрь взял своё сторицей.
Оставь мне вино с корицей,
Помилуй меня, октябрь.

Помилуй меня, октябрь,
И близких людей, и тварей,
Не жги нас в своём пожаре!
Помилуй меня, октябрь...

Помилуй меня, прошу,
Я редко о чём просила.
Иссякли слова и силы —
Я кровью тебе пишу:

«Помилуй меня, октябрь!»
В ответ — ни письма, ни строчки...
Рябиновых ягод точки
Как раненный след — октябрь...

* * *

Щекою мимо губ касанье —
Неловко, будто бы скользя,
При встрече, или при прощаньи —
Друзья... Мы только лишь друзья...

И перехваченный случайно
Во взгляде брошенный вопрос:
Моя ли это только тайна
Иль для тебя игра всерьёз?

Пересекаются украдкой
Пунктиры жизненных путей...
Мне — нелегко. Тебе — несладко.
Я — несвободна. Ты — ничей.

* * *

Тоньше льда и холодной бумаги
Жжёт предощущение конца...
Осень перемалывает флаги
Под напором ветра-подлеца,

Отнимает сон, рассудок, душу,
Выдувает тело из щелей —
Как не забиваешься, наружу
Вытащит, сорвёт со ступеней,

И покатит перекасти-полем,
Плечи, пальцы — всё переплелось!
...Осень — окончанье долгой боли,
Знак, что воскрешенье началось...

* * *

В туман уходит осень —
На поиски зимы,
Меж поседевших сосен,
Меж сумерек и тьмы,
Всё стынет — между, между:
Меж небом и межой,
Меж тающей надеждой
И зреющей, чужой,
Невнятною тревогой...
Морочит нас шаман —
Разлитый над дорогой
Туман-туман-туман...

* * *

...Запрокинув лик
Я стою —
Тянут журавли
Песнь свою...

Завязать глаза —
И шагнуть,
За пределы, за
Шум и муть,
От шуршания
Старых крыс,
Вон из здания —
На карниз!
За жестянный край
Заступить —
На натянутый
Провод — нить,
Взмыть над рощами,
Над рекой,
Там, где лошади
Пьют покой.
Над белеющим
Снег-бельём
Сиротеющим
Журавлём...

...Запрокинув лик
Я стою —
Тянут журавли
Песнь свою...

* * *

Это странно — писать о любви
И любви не испытывать вовсе,
И встречать свою личную осень
В затихающей вязкой крови.

Это глупо — жалеть о былом,
Распростёртом, распластанном теле,
Узнавая себя еле-еле
За зеркальным облезлым стеклом.

Это страшно — себя предавать,
Объясняя логичность поступков,
И безвольно идти на уступки,
И плевать себе в душу, плевать!

Я фальшивлю, кривляюсь, кричу,
И сама лицедейству не верю.
Я стою перед открытою дверью,
А шагнуть не могу. Не хочу....

* * *

- Как дела?
- Как-то так... живу.
- Ну, зачем же вот это «как-то»?

Я молчу. Не кормлю молву:
У молвы ни стыда, ни такта.
У молвы только алчный блеск
До чужих, слишком хрупких судеб,
И без масла, без хлеба съест
Тех, кто ей открываться будет.
Улыбаюсь, держу удар,
Надвигаю пониже маску,
Не доверил Господь мне дар,
Чтоб не выдать себя гримасой,
Если боль разошлась внутри
От случайной, небрежной фразы,
Если чёрным огнём горит
Всё нутро от обиды сразу...
Так зачем вам мои дела?
Я в порядке, ну вот, смотрите?

...И сжигает меня дотла
Посторонний прохожий зритель...

* * *

Мы простимся над серой рекою,
Ты мне купишь счастливый билет
И отпустишь — счастливой такую,
Будто не было прожитых лет,
Горьких слёз и признаний ночами,
И вдвоём перемолотых бед...
Мы простимся. И в реку, случайно,
Оброню несчастливый билет...

Шаман

Шаман взирает в темноту
Полуприкрытыми глазами...
Он чует гибель за версту,
Он видит смерть за образами
Где тёмный лик чужих богов,
И кровью светятся камни...
Шаман поёт. Шаман готов
Открыть иное измеренье,
Где в горловой гортанный звук
Вплетётся грохот барабана,
Где тени распостёртых рук
Сольются с пением шамана...
Шаман взирает в темноту,
Он видит сон перед рассветом,
Где, приколоченным к кресту,
Играет ветер амулетом...

* * *

Оставь всё, как есть... Здесь никто не считает потери —
Ни яблок в снегу, ни торчащих меж ними крестов,
Мы двинемся вдаль, открывая всё новые двери,
Оставив засохшие листья меж старых листов.

Оставь всё, как есть. Фотографии в рваных альбомах,
Улыбки ушедших, глядящих на нас с облаков,
Взлетевших с давно развороченных аэродромов,
Где брызгами с неба синеют поля васильков...

Оставь всё как есть. Мы с тобой ничего не изменим —
Ни старые песни, ни новые крики «вперёд!».
Есть счёт и пройденным, и выше ведущим ступеням,
И каждый подъём — это медленный-медленный взлёт.

* * *

Универсальный способ пытки —
Смотреть, как дождь сечёт траву,
Как дворник, вымокший до нитки,
Метёт промозглую Москву,
И зонт перебирать тревожно,
И не решившись — отложить...
Разумно жить — безумно сложно.
А хочется — безумно жить!
Скакать по лужам в мокром платье,
Срывать запретную сирень,
И в липких дождевых объятых,
Впускать в себя по каплям день!
...Но дождь стучит, и зонт нетронут —
Минутный кончился порыв...
Так ангелы желаний тонут,
Волшебных крыльев не раскрыв.

* * *

Что-то не то происходит с моими шагами:
И не пружинят, и вдаль над землёй не летят.
Только листва, осыпаясь, шуршит под ногами,
Только морозные лужи тихонько хрустят...
Птицы, возьмите меня одиночкой в стаю,
Я постараюсь от вас по пути не отстать!
Хоть и неважно, но всё же — я тоже летаю,
Плохо без неба тому, кто привычен летать.
Птицы, прошу, вы меня от себя не гоните —
Я ведь чужая и людям, не только для вас...
...Птицы теряются в солнечном ярком зените,
И размываются слёзами слепнущих глаз...

* * *

Друг мой, друг! Отчего так странно
Вспоминать о тебе во сне?
Как пропущенный полустанок
В полуночной осенней мгле...
Словно что-то не досказалось —
Стрелка щёлкнула на путях,
И другие пошли вокзалы
Перегонами лет свистя.
И другие меня встречали,
И дарили не те цветы...
Помнишь, как нас весной качало? —
Были глупыми я и ты,
Бесшабашными и чудными,
Полуночными напролёт,
Между буднями-выходными,
Пролетали в один пролёт,
Хохотали в дожде весеннем,
Грелись после одной свечой,
Я искала в тебе спасенье,
Прикоснувшись в ночи плечом...
Зря я вспомнила. Всё забыто.
Каждый выкупил свой билет,
И ушел на свою орбиту —
Ту, с которой возврата нет...
...И несётся сквозь сна разрывы,
То ли зов, то ли стук колёс,
Я лечу под откос с обрыва...
И подушка темна от слёз...

* * *

Конверт без подписи и даты
Случайным ветром принесён,
Но нету больше адресата —
Квартиры нет, и дом снесён...

Лишь строчки, съехавшие к краю,
Взахлёб, надрывно, невпопад,
В костре осеннем догорают
И мажут пеплом листопад...

Искусство кройки и шитья

Придется научиться шить...
Кроить привычки и устои,
И штопать то, что очень стоит
Хотя б на память сохранить.

Придется научиться шить,
Стежком дождей, косым и плотным,
Из тряпочек рождать полотна,
Цветами нитей ворожить.

Придется научиться шить,
Распутывать мотки сомнений,
Выбрасывать без сожалений,
Всё, что не сможет послужить...

Придется научиться жить,
С душой в заплатках неуклюжих,
Стать мягкой, как медведь из плюша,
Чтоб тихо сон твой сторожить...

* * *

...Дом родителей, тесный от мебели,
Безделушек, сервизов и книг...
Где бы после не жили мы, не были,
Здесь — питающий корни родник.
Эти трещины, сколы, потёртости
На орехе и старом стекле —
Родовые свидетели гордости
Жизни тех, кого нет на земле...
... Но всё больше рецептов с таблетками
На кухонном уютном столе,
Проступает старенье отметками
На когда-то прекрасном челе.
И становится горько пронзительно
От сознания конечности лет,
От того, как щемяще-разительно
Изменился родной силуэт.
Иерархия, прежде бесспорная,
Разлетелась, распалась в куски...
Изменяется точка опорная:
Мы — не дети. Они — старики...

* * *

Будет долгий разговор,
Посиделки с сушками,
О стихах извечный спор,
Чай с глинтвейном кружками,
Вдрызг продавленный диван,
И полы скрипучие,
Дым столбом и балаган,
Песен сладкозвучие...
А к утру — утихнет гам,
Все уснут довольные,
Хорошо гулялось нам —
Молодые, вольные...

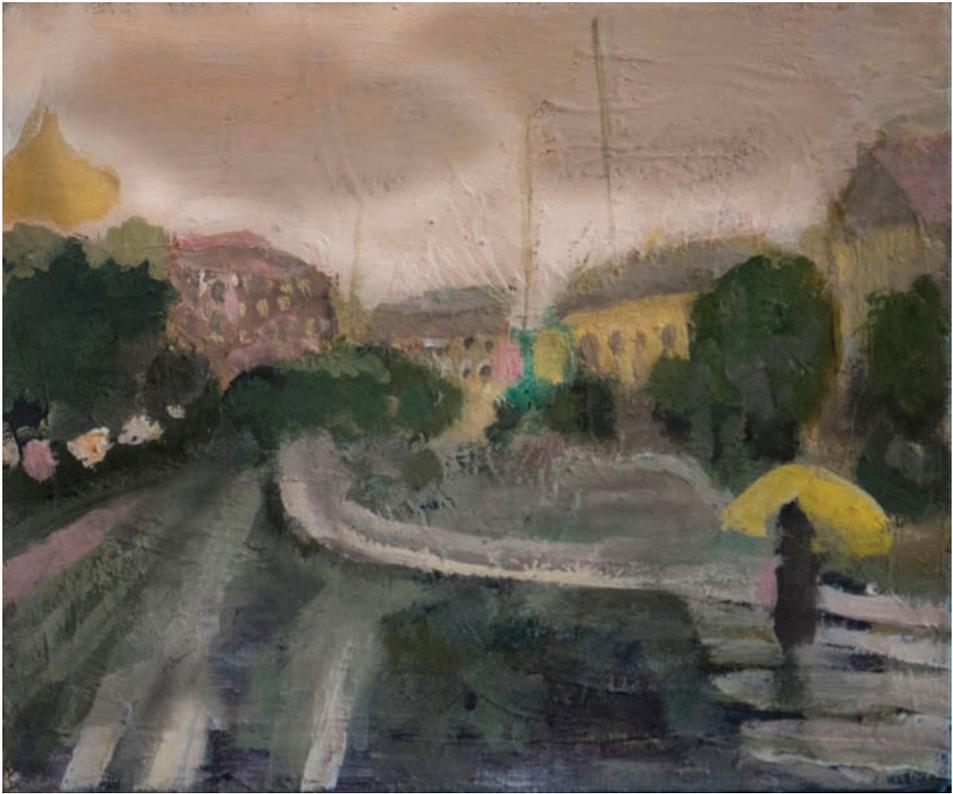

* * *

Несезон. Только серый с коричневым.
Только сырость и голый газон.
Только запах глинтвейна корицевый.
Несезон. Несезон. Несезон.

Краски Брейгеля, нам столь привычные,
Чей-то, ветром поломанный, зонт.
Несезон. Только серый с коричневым.
Несезон, несезон, несезон.

Солнца луч, заблудившись меж тучами,
Лишь украдкой чиркнёт горизонт,
Не тоскуй, понадейся на лучшее.
Пережди этот срок — несезон...

* * *

Знаешь, очень хочется уехать
К северному, ледяному морю.
Руки согревать собачьим мехом,
Слушать, как прибою чайки вторят.

Небо серое над гулкой галькой
Созерцать, и слушать посвист ветра
И чтоб только море, небо, чайки,
И чтоб — никого на километры!

Чтоб терялись в облаках отроги,
Чтобы руки над костром атели,
Чтоб вилась за горизонт дорога,
В жгут судьбы вплетая параллели...

* * *

Чем больше я живу,
Тем больше замечаю:
Как облака плывут,
Как холода крепчают.
Как, прокричав печаль,
Тревожным клином птицы
Уносят лето вдаль,
Чтоб после — возвратиться.
Чем дольше я живу,
Тем от меня всё дальше
Служенье божеству
Игры и тонкой фальши.
Мышиная возня
С сомнительным финалом,
Уже не для меня —
Нет прежнего запала.
Ушёл задор страстей,
Интриг и обольщений.
Ищу других снастей
Для ловли ощущений...
Чем дольше я живу,
Тем меньше понимаю:
Куда, зачем плыву?
Кому, зачем внимаю?

**Вспоминая классиков
и разговаривая с деревьями...**

Белая берёза
За моим окном...
Я сижу тверёзый,
С полным стаканОм
И не хочет сердце
Больше принимать
Даже водку с перцем!
(В душу-бога-мать!)

Тонкая рябина,
Клонит гибкий стан...
Вот, наполовину
Выпитый стакан,
И видна сквозь призму,
Граней из стекла
Вся моя Отчизна —
Грязь, да купола...

Ты скажи мне, яшень,
С кроною густой,
Отчего так ясен
Мой стакан пустой?
Не пылит дорога?
Не дрожат кусты?
— Друг мой, слишком много
Нынче выпил ты...

* * *

Луна по кругу, мысль по кругу:
«Кто я тебе? Кто мы друг другу?»

...Звучит навязчивый регтайм,
Мы начинаем первый тайм:
Ты наливаешь виски, пьёшь,
И наугад на кнопку жмёшь,
Начав полночный марафон...
Я жму в ладонях телефон,
Шепчу себе: «О нет! О нет!»
И всё же кнопку жму в ответ,
И — тишина... Лишь треск и свист...
Глоток. Ты объявляешь вист!
И начинаешь монолог.
Я знаю наизусть пролог,
Но так увлечена игрой,
Что начинаю тайм второй...
Твой голос слаб и сильно пьян,
Я знаю этот твой изъян,
Но уши разума глухи...
А ты читаешь мне стихи,
То про войну, то про свечу,
Я тихо плачу, но молчу,
Чтоб голос мой не выдавал,
Как падает душа в провал...
И тикают часы в ночи...
Ты говоришь мне: «Не молчи!»
Я коротко в ответ шучу,
И вновь молчу, молчу, молчу...

Гремит бутылок арсенал —
И вот он — овертайм, финал.
Ты произносишь вдруг «Люблю»,
Я нервно кофту терблю,
Не зная, что сказать в ответ,
На то, чему ответа нет.
Наш безответен разговор,
И выношу я приговор:
«Прости, я не могу с тобой...»
И нажимаю на отбой,
Валюсь в подушки и кричу:
«Я не могу! Но я хочу!»
...И отключённый телефон
Издаст далёкий тяжкий стон...
Луна по кругу, мысль по кругу:
«Кто я тебе? Кто мы друг другу?»

* * *

Смотреть, как падает листва
И как уходят электрички...
И руки прятать по привычке
В негреющие рукава.
Мечтать о дальних городах,
О тёплом свете чьих-то комнат,
И понимать — никто не вспомнит
И не заметит никогда,
Что ветер признаки унёс
Присутствия тебя на свете...
Лишь на рассохшемся паркете
Уткнётся в тапок верный пёс...

* * *

Нет, нет! Не говорить ни слова!
Не нарушать молчания печать,
Не сокрушать уныния основу —
Не действовать, не говорить, молчать.
Велик соблазн пугающей пучины:
Расслабленно, с улыбкой, лечь на дно,
Там, где другие — женщины, мужчины,
Отдавшиеся Вечности давно,
Меня в свои объятия тихо примут...
Но — нет, откуда этот странный звук?
Ветвь по стеклу! Проклятая рябина!
Кровавых ягод непокорный стук:
Проснись, очнись! Здесь ветер и веселье,
Несутся листья к звёздам и луне,
Предзимний воздух, как хмельное зелье,
Вскипает, разгорается во мне!
...Всё выдуло — тоску, хандру и ужас,
Депрессию оставив в дураках,
Пойду хрустеть по леденелым лужам,
И наблюдать, как мчатся облака...

* * *

Ах, как нам было весело,
Задорно и легко!
Ты помнишь? — Я повесила
Фонарь над костерком,
И он за ночь ту длинную
Всё закоптил стекло...
Куда всё это сгнуло,
И сколько лет прошло?
Мы разбежались по миру,
По разным поясам,
И по другому номеру,
По новым адресам
Живём, забыв про прошлое,
Торопим календарь...
А где-то позаброшенный
Висит в лесу фонарь ...

* * *

Дожди... Значит скоро — пора
Глинтвейна и мягких подушек,
Промокшей листвы во дворах,
Летящей с озябших макушек.

Всё летнее тянется вдаль
За птичьим невидимым клином,
И тонкая вьётся печаль
Над нашим дымящим камином...

* * *

Покидая родные края,
Я привычно отмечу украдкой
Как черны облака воронья,
И сварливы у галок повадки,
Как мучительно давит гроза
И угрюмы поклоны заборов...
Отчего же так щиплет в глазах
От бескрайних родных косогоров?
Незатейлив, неярк пейзаж:
Всё берёзы, да сосны, да ели,
Придорожных столбов такелаж,
Между луж подорожные мели...
И старуха у тёмных ворот,
Что глядит на меня так тревожно...
И не знать бы про этот народ,
Да забыть этот взгляд — невозможно.

* * *

Мне нужно, чтобы ты был рядом,
Шагах, примерно, в десяти.
Но ближе — я прошу, не надо,
Мне очень важно соблюсти
Незримый круг, зазор мечтаний,
Иллюзий, глупостей смешных,
Наивных детских ожиданий,
Желаний странных и больных.
Мне нужен этот сонм чудовищ,
Фантасмагорий и стихий —
Искать в них россыпи сокровищ,
Пещерно сложенных в стихи.
Они прольются звукорядом
И крылья развернут — лети!
...Мне НУЖНО, чтобы ты был рядом.
Шагах, примерно, в десяти...

Венские воспоминания.

Вспомнилось: в Вене играл орган,
Под морозящим дождем — экипажи...
Я забывала тебя по слогам,
И приучала себя к пропаже.
Да и пропажа ли? — Как терять,
То, что коснулось едва туманом...
Не вспоминать!... Вспоминать, вспоминать...
Дождь. Экипажи. Собор с органом.

Раздрай

Сегодня отличный ветер,
Но мы не выходим в море:
Мы ждём своего капитана,
А он пьёт один в каюте.

Отчаянье выползает
На палубу в щель под дверью,
Отравую липкой вяжет
Сильнее любых канатов.

Сменить бы нам капитана,
Да где же нам взять такого,
Кто с прежним бы мог сравниться
В отваге и знаньи курса?

Кто вёл нас со злой улыбкой
Сквозь штормы и мимо мелей,
Кого обходили даже
Корветы лихих пиратов.

Так что же с тобой случилось,
Что пьёшь ты угрюмо виски
Не вместе со всей командой,
А глядя в клочок бумаги?

...

Бортами стучится шхуна
О твердый настил причала,
И рвётся уйти на волю,
Где воздух тоской не пахнет.

* * *

Всё бессмысленно: праздники, будни,
Важных дел круговерть, суета,
Нас не станет, и быстро забудут
Про сугроб и цветы у креста...
Поворчат, разбирая бумаги,
И архивы устав потрошить,
Всё схоронят в ближайшем овраге,
И продолжат бессмысленно жить,
В чередѣ из долгов и привычек,
Чьих-то скомканных судеб и лиц...
... Ряд берѣз. Гул ночных электричек.
Носит ветер обрывки страниц
По оврагу за дальним погостом,
Так бессмысленно. Горько. И просто...

* * *

Мой друг, пойдёмте в казино!
Там жгут сигары, пьют вино,
Кидают фишки, как в кино,
В сукно!

Ах, нет, давайте в балаган,
Там будет трюков ураган,
Блестит волшебника тюрбан,
Канкан!

Но Вы качнули головой,
И мы пошли по мостовой,
Покрытой золотой листвой.
Домой?..

Проводы

И ни к чему теперь слова,
И канувшие обещанья...
Я пальцами, едва-едва,
К тебе притронусь на прощанье,
Поправлю шарф, откину прядь,
Упавшую на свитер грубый...
Ты что-то говоришь опять,
А я, оглохнув, вижу губы,
Непроизвольно к ним качнусь,
Теряя чувство равновесья...
Отпряну — и проснусь, очнусь
Средь звуков, морозящей взвеси,
Средь фонарей и поездов,
Среди невнятных объявлений...
Твой поезд тронуться готов
На грани времяисчислений,
Толчок! И перейдя черту
Дракон плетётся вдоль перрона,
И вслед железному хвосту
Тревожно каркает ворона...

* * *

Силуэт одинокой собаки
Через сон мой идёт много лет...
Просыпаюсь в тревоге, во мраке —
Может быть — это мой силуэт?
Неприкаянность тяжкой потери,
Вечный поиск знакомых дверей,
Все мы люди — немножечко звери,
Иногда даже хуже зверей...
Под холодной осеннею хмарью,
Подвывая дождю в унисон,
Я плетусь одинокою тварью
Через чей-то мучительный сон
И зовёт меня кто-то сквозь годы
Тихим свистом забытой любви...
...Глушит звуки во сне непогода,
Не слышать — зови — не зови...

* * *

Уходит дивный сон,
Приходят гул и гомон,
И обрывают след,
Оставленный во сне,
И бередит сквозь стон
Несущихся вагонов,
Размывшийся сюжет
Разводом на окне.
Мучительно саднит
Заноза подсознания —
Забывшийся пролог,
Неузнанный финал,
Порвавшаяся нить
Чуть слышного дыханья,
Беззвучный диалог,
Сквозь коридор зеркал...
Не вспомнить, не сложить
Сумбур причин и следствий,
Лишь тень чуть слышных слов
Мерцает на стене...
И лунный свет дрожит,
И тяжек груз последствий
Давно забытых снов,
Хранящихся во мне...

* * *

А мы всё продаём друг другу
Обман, зажатый в кулаке.
И бег по кругу, бег по кругу —
Не разберёшься — кто за кем.
Не принимая диалога,
Свиваемся в единый крик,
И не гнушаемя подлогом,
И заплетаем сеть интриг,
И так самозабвенно бьёмся,
Что слышим только пульс в висках,
А после — в верности клянёмся
На окровавленных листках...

* * *

...Смотреть из-за стекла,
Вальяжного тепла,
Как дождик ворожит,
Как пешеход бежит,
Петля меж теней,
Распльвшихся огней,
Раскрывшихся зонтов,
Троллейбусных бортов,
Бежит, бежит к теплу,
К накрытому столу,
Чтоб, завершив дела,
Смотреть из-за стекла...

* * *

Иди ко мне, мой Арлекин,
Мы снимем рюмкою усталость —
Из сотен разных Коломбин
Тебе не лучшая досталась:

Она не чистила камзол,
И не желала жить в фургоне,
Но если ты устал и зол —
Брала в две узкие ладони

Дурную голову твою,
И гримом осыпала платье,
И у рассвета на краю
Шептала вечное заклятье...

Когда погаснет свет огней,
И завершится пантомима
О чём ты думаешь? — О ней:
С кем ты сегодня, Коломбина?..

* * *

— Слышишь, Анна, тот ветер вдали?
— Спи, мой друг, то поют журавли...
— Слышишь, Анна, за дверью шаги?
— Спи, мой милый, то игры пурги...
— Кто там, Анна, царапает дверь?
— Это вьюга, мой милый, поверь...
— Что за гость у тебя за спиной?
— Это тень, просто тень, ангел мой.
— Анна, что ты толкуешь ему?
— Спи, любимый, тебе ни к чему
Знать, что в эту недобрую ночь
Смерть пыталась тебя истолочь,
И всю ночь я при тусклой луне
За тебя торговалась во тьме,
Но в торговле я, милый, сильна...
— Где ты, Анна?!
В ответ — тишина...

* * *

В Питер бы... Ко львам и обелискам...
Гладить шкуру мокрую Невы,
Город, отчуждённый и неблизкий,
Называть почтительно на Вы,
Изучать в витринах отраженье,
Не своё — прохожих за спиной,
В мраморно-гранитном окруженьи
Чувствовать чужой себя, иной,
С выговором тянущим московским,
Мокнущей меж питерских зонтов...
Сесть в речной кораблик с крышей плоской,
Пронырнуть под чередой мостов...
И конечным пунктом станет дамба —
Города бетонная клешня...

Странны и нелепы дифирамбы
Городу. В котором. Нет. Меня.

* * *

Всё понимаю — ничем не могу помочь...
Произрастает за окнами чья-то ночь,
Приобретают последствия все шаги,
Глухо затихшее в спину мне — «помоги...»
Не обернулась, и тенью ушла в луну,
Птицы метнулись в молочную пелену,
Заголосили, и канули без следа...
Взять бы мне силы — да вытекла вся вода,
Нет ни спасенья, ни выхода — всё обман...
Нет мне прощенья — в туман ухожу, в туман...

* * *

Ничто не стоит ничего.
Олень ступает по болоту,
Палач идёт по эшафоту,
Художник пишет Божество...

Ничто не стоит ничего —
Лишь пузыри из шаткой топи,
Лишь с плахи тёплые потоки,
Лишь гнев толпы за волшебство.

Ничто не стоит ничего.
Любило, мучилось, родилось,
Старело, умерло, забылось...
Ничто — вот суть и вещество.

* * *

А мы всё молчим и молчим,
Как будто не нас провожали
На старом разбитом вокзале,
Вдогонку кидая ключи...

А мы всё строчим и строчим
Корявые буквы в блокноте,
А поезд всё воет на ноте,
Как волк, заплутавший в ночи.

Летят и летят тополя,
Мосты, фонари, полустанки,
И мчатся вагоны, как санки,
Под горку с планеты Земля...

* * *

Я могу хоть чем-то помочь?
Провести тебя через ночь,
Прикоснуться к кисти руки,
Пожелать удачи в пути,
Даже если путь — от меня,
Даже если ночь — после дня
Одного, что был на двоих.
Даже если мне без твоих
Не прожить прокуренных рук,
Даже если ты — только друг,
И меж нами — лет рубежи...
Я могу помочь? Ты скажи?

В поезде

Ну, вот и всё... Ну, вот и всё?
Всё только начинается!
Опять вагон меня несёт,
Пейзаж в окне качается.
Оторвана от суеты,
Родни, друзей-приятелей,
Лечу сквозь стрелки и мосты,
Сквозь слёзы и объятия.
Ничья, свободна и легка,
Без обязательств тянущих,
Сжимаю в зябнущих руках
Букет из листьев вянущих.
Не помню, кто меня простил,
Кто провожал проклятьями.
Один — дорогу мне мостил,
Другой — крепил заклатьями.
Я улыбнулась напослед,
Клянущим и прощающим:
Рассеет дым, развеет след,
Другой придёт встречающим
На новый, вымытый перрон,
С улыбкой невозможною,
И я забуду, словно сон,
Всё прошлое. Тревожное...

Содержание

Брейгелю...	3	«Разобищённость. Разорванность в	
«Шумит предновогодний ливень...»	4	ключья...»	38
«...И уже — почти Новый год...»	5	«Закрывать глаза. Уплыть в себя...»..	39
«Зима в мегаполисе — страшное дело...»6		«От всех наших встреч — послевкусье	
«Придумать бы биографию...».	9	изжоги...»	40
«"Возраст — просто цифры!" — спела		Ссора	41
мне реклама...»	10	«Встать на паузу. Встать на	
«Счётчик щёлкнул и цифра		пуанты...»	42
сменилась...».	11	«Дальний берег с годами — дальше...»	43
Мальдивы	12	«В этих чувствах смысла — ни на	
Рождественскому Ангелу	13	грош...»	44
Новогоднее	14	На ночь...	45
«Выгорели праздники дотла...»	15	«Нас старят не годы...»	46
Посленовогоднее	16	«Приезжай просто так, не по делу...»	47
Зимний этюд	19	«Он болеет. И она болеет...»	48
«Пришёл январь. И пал с повинной...»	20	Зимой на пляже	51
Сон	21	Горькие мысли	52
«Простужена. Гляжу в окно...»	21	«Мигрень. И пальцы на висках...»	53
«Сорвалась, не сдержав натяженья...»	22	«Ты выдохнул. "Сама пришла?"...»	54
«Дошли патрон и сделай выстрел...». 23		«Лишь на подушке отпечаток...»	55
«Эй, кто-нибудь! Пришлите мне		«Встать пораньше, нажарить	
весточку с неба!..»	24	котлет...».	56
Пурга	25	«Мазок фальшив и слог невнятен...»	57
«Луч проскочил меж снегопадов...».	25	«Слышишь? — Ветер рвёт с петель...»	58
«Льёт с потолка в моей квартире...»	26	«Мужчине нужна еда...»	61
Камин и джин	27	Возвращение	62
«Налетели дрозды-рябинники...»	28	«Вот так, плетёшь в ночи интриги...»	63
Шут. Петух. Ночь	29	«За окном электрички...»	64
Снегопад	30	Менялы	65
«Кофе из стаканчика отдаёт		Конфликт	66
пластмассою...»	31	«Пируем! И чёрт с ней, с Чумою!..»	67
Письма	32	«Я проигрываю сражение...»	68
«Дела, долги, бега...»	33	«А в зеркале — глаза пустые...»	71
Свидание	34	Пауки	72
Странные игры	35	Малиновое	73
Случайная встреча	36	Припасы на зиму	74
Уход	37	Танцы на костях	75

«Ты не читал моих стихов...»	76	«А где-то на совсем другой планете...»	112
«Поднимается сильный ветер...»	77	«Время кончается в январе...»	113
«Погода — дрянь! Зайдём, пропустим стопку?...»	78	«Я бы, может, вам рассказала...»	114
«...И грохот прибоя о вечные скалы...»	81	«Прованский дом, стокгольмский дворик...»	115
«Знаешь, мне тут без тебя тоска...»	82	«Что-то в ней было, в этой квартире...»	116
«Сжимается, сжимается, сжимается пружина...»	83	«Скажи, тебе бывает грустно...»	117
«Ты ходишь следом и твердишь...»	84	Портрет	118
«Не включай! Посидим в темноте...»	85	«Кривые Яузы обводы...»	121
«Солнце движется тихо к вечеру...»	86	«Дорога приведет нас в горы...»	122
«Помяни меня в своих молитвах!...»	87	«С неба капает время...»	123
«Мёртвая зона без сна и любви...»	88	«О, эти телефонные звонки!...»	124
«О, нет, любви здесь нет в помине...»	89	«Тебе — в маршрутку, как всегда...»	125
«Я растеряла навык быть счастливой...»	90	Синее пальто	126
«Всё меньше слов. Всё больше тишины...»	91	«Снова под ноги ложится дорога...»	127
«Всё, мой друг, имеет смысл...»	92	«Лучше — не будет, а хуже — не надо...»	128
«Плакать-то можно — чего ж не плакать...»	93	«Злая, непонятная...»	129
«Снег падает... Торопится зима...»	94	Звуки	130
«Я не сразу поняла...»	95	«Цветы досматривают сны...»	131
«Холодный пол под пяткою босою...»	96	«Отвернись! Я не выдержу взгляда...»	132
«Боюсь входить...»	97	«Этот мир — чередой зеркал...»	133
«Вечер гложет сухую кость...»	98	«В такие дни нужно пить с утра...»	134
«Тишина в библиотеке...»	99	«Замолчать. Затаиться. Забыться...»	135
«В тысячный раз начинается сказка...»	100	«Я часто поминаю Бога всеу...»	136
«В синих всполохах экрана...»	101	«Идти на ощупь в поисках себя...»	137
Дети Зимы	102	«Монотонный лай собаки...»	138
«Расчёт? Просчёт? — Я так и не узнала...»	103	«Ещё тепла измятая постель...»	139
«Какая странная зима...»	104	«Как мало тех... Нет, я не про постель...»	140
«Я вдруг поняла: мне не хочется больше весны...»	105	«С востока на запад, с востока на запад...»	141
«Зима зацепилась хвостом за апрель...»	106	«Дождь смывает усталость с лица...»	142
«То ли дождь, то ли снег, то ли век...»	107	«Всё может быть... А может быть и нет...»	143
«День удлинился. На улице плюс...»	108	С тобой	144
Апрель	111	«Подбери мне платье...»	145
		«Поездка, как бегство, тебе не поможет...»	146

«Ну за что вы так Петрова?..» . . .	147	Тень.	184
У окна.	148	«В пятницу город мелеет...»	185
«Бравый марш летит под крыши...»	151	«Хочется — старую-старую дачу...»	186
«Устаём. И из рук ускользают		«Банджо — в руки, ветер — в спину...»	187
стальные поводья...»	152	«А лето у нас бесплотное...»	188
«Луч заката тянет руки...»	153	«...И вот, мы сидим на туче...» . .	191
«Мысль, прострелившая сознание...»	154	«Уехать в Питер! Хоть на сутки!..»	192
«Снова дождь. Но весёлый,		«Бежит, бежит вода по пальцам...»	194
весенний...»	155	«У обрыва на краю...»	195
«Вряд ли что-то останется...» . . .	156	«Две жизни: под уютным	
«Посади меня в поезд на запад...» .	157	абазуром...»	196
«Спи. Пускай тебе приснится...» .	158	«...И вновь измученное слово...» . .	197
«К чему гадать — зачем и как...» .	161	«Намечтай мне дальних	
«В запретных странах стонет		странствий...»	198
ветер...»	162	«...И больше нет тех пустырей...»	201
«Вот дом. Крыльцо. И одуванчик...»	163	«Обветренные и смуглы...»	202
«Поищи мне новое место под		Полёт парой.	203
солнцем!..»	164	«Жара... По мареву текут...»	204
«Какие-то странные люди...» . . .	165	Геленджикские воспоминания . .	205
«Улыбнись мне на прощание...» . .	166	«Уплывает моё сердце...»	206
Зарождение	167	«Выбелен домик у моря...»	207
Девушке, сломавшей каблук	168	«Стёрта пеною строка...»	208
Наваждение	169	«Проходит день, приходит ночь...»	211
«Я разложу тебе пасьянс...»	170	«Влажно. Душно. Лето. Лето...» . .	212
Украшения	171	«Ты линию проводишь на песке...» .	213
«Странная птица тоскливо		«Со звоном падает монета...»	214
кричит...»	172	«На выдохе чёрное небо...»	215
«Нарисуй мне барашка...»	173	«Что ты будешь делать, когда я	
«Затихает московский улей...» . .	174	усну?...»	216
«Не надо за меня переживать...» .	175	«Тихий звон браслетов...»	217
«Блаженно состояние бездумья...» .	176	«Корабль плывёт. Мы смотрим	
Анти-прятки	177	вслед...»	218
«Жара спадает. День идёт на		«Со стуком яблок опадает лето...»	221
убыль...»	178	«Искать янтарь. И находить	
«Высыхают листья, засыхают		ответы...»	222
лица...»	179	«Отвези меня на Курискую косу...»	223
Ночные прогулки	180	«Москва встречает выбеленным	
«Поспи... Пускай тебе приснится...»	181	небом...»	224
«...Но лучшее, что я могу сказать —		«На улице скрипит велосипед...» . .	225
молчание...»	182	«День кончен. Руки спущены в	
«Ещё не выключили солнце...» . . .	183	покой...»	226

«Спать... Спать...»	227	«Друг мой, друг! Отчего так	
«Стекло запотело...»	228	странно...»	263
«В грязной луже светит солнце...»	231	«Конверт без подписи и даты...» .	264
«В полдень начнётся дождь...» . . .	232	Искусство кройки и шитья	265
«...И вдруг сломалась гордая спина...»	233	«...Дом родителей, тесный от	
«Молчи. Ещё не село солнце...» . . .	234	мебели...»	266
«Всё в этом мире относительно...»	235	«Будет долгий разговор...»	267
«Нынче пишутся стихи такие		«Несезон. Только серый с	
грустные...»	236	коричневым...»	268
«А что это даст нам, грешным? — да		«Знаешь, очень хочется уехать...»	271
ничего!..»	237	«Чем больше я живу...»	272
«Письмо от клёна сообщило —		Вспоминая классиков	
"осень..."...»	238	и разговаривая с деревьями... . . .	273
«Дождь оседает в проводах...» . . .	241	«Луна по кругу, мысль по кругу...» .	274
«На исходе лета дышится так		«Смотреть, как падает листва...»	275
славно...»	242	«Нет, нет! Не говорить ни слова!..»	276
Счетоводческое	243	«Ах, как нам было весело...»	277
«Нагроможденье рифм и строчек...»	244	«Дожди... Значит скоро — пора...»	278
«Прогрохотал трамвай, пролилось		«Покидая родные края...»	281
масло...»	245	«Мне нужно, чтобы ты был рядом...»	282
«Боль свою не вырвешь как		Венские воспоминания.	283
страницу...»	246	Раздрай	284
«Осыпается... То ли листва...» . . .	247	«Всё бессмысленно: праздники,	
«На рубль обещаний...»	248	будни...»	285
«Нет в том ни покаянья, ни		«Мой друг, пойдёмте в казино!..» .	286
прощенья...»	249	Проводы	287
«Унеси меня от хворей...»	250	«Силуэт одинокой собаки...»	288
«Помилуй меня, октябрь...»	251	«Уходит дивный сон...»	289
«Щекою мимо губ касанье...»	252	«А мы всё продаём друг другу...» . . .	290
«Тоньше льда и холодней бумаги...»	253	«...Смотреть из-за стекла...»	291
«В туман уходит осень...»	254	«Иди ко мне, мой Арлекин...»	292
«...Запрокинув лик...»	255	«— Слышишь, Анна, тот ветер	
«Это странно — писать о любви...»	256	вдали?...»	293
«— Как дела?...»	257	«В Питер бы... Ко львам и	
«Мы простимся над серой рекою...»	258	obeliskам...»	294
Шаман	259	«Всё понимаю — ничем не могу	
«Оставь всё, как есть... Здесь никто не		помочь...»	295
считает потери...»	260	«Ничто не стоит ничего...»	296
«Универсальный способ пытки...» . . .	261	«А мы всё молчим и молчим...» . . .	297
«Что-то не то происходит с моими		«Я могу хоть чем-то помочь?...» . . .	298
шагами...»	262	В поезде	299

Литературно-художественное издание

Лада Баламут

Поток

Стихотворения

Главный редактор издательства — *Евгений Степанов*

Компьютерная верстка — *Ирина Ракитина*

Художник — *Джулия Арье*

Дизайн обложки — *Мария Гальчук*

Книга выпущена в авторской редакции

Формат 155x210

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 500 экз.

Сдано в набор 26.12.2016

Подписано в печать 16.01.2017

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский пр., 73.